

Дикий носок

ОТСТОЙНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дикий Носок

Отстойник

«Автор»

2020

Дикий Носок

Отстойник / Дикий Носок — «Автор», 2020

На земле ежегодно бесследно исчезают тысячи человек. Они не становятся жертвой несчастных случаев, криминальных происшествий или стихийных бедствий. Они словно растворяются в воздухе при самых загадочных обстоятельствах. Что происходит с этими людьми? Содержит нецензурную брань.

© Дикий Носок, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Синьорина.	6
Председатель.	10
Солдат.	13
Студент.	17
Белый воротничок.	20
Мама.	22
Бойся своих желаний.	27
О дивный новый мир!	32
Ловушка для мух.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дикий Носок Отстойник

Писательство – зараза похуже семечек. Стоит только однажды взяться за ручку и позволить своим мыслям свободно взлететь, как тяга к этому занятию становится неистребимой. И ты начинаешь хвататься за ручку всякий раз, когда твою голову осеняют умные (возможно лишь по твоему нескромному мнению) мысли.

Казалось бы, что такого я могу сказать читателям, чего бы они и сами не знали. Однако же, если Вы это читаете, значит могу.

На земле ежегодно бесследно исчезают тысячи человек. Они не становятся жертвой несчастных случаев, криминальных происшествий или стихийных бедствий. Они словно растворяются в воздухе при самых загадочных обстоятельствах. Что происходит с этими людьми?

Синьорина.

Синьорина Лючия Фантоцци исподтишка оглядела всех дам, стоящих на перроне в ожидании подачи поезда, и победно вздернула свой очаровательный носик. Определенно, она была самой хорошенькой. Да и не трудно это, право, если у тебя от природы выющиеся каштановые волосы, тщательно уложенные в прическу «Помпадур» (и без всяких щипцов, надо заметить), тонкий, аристократичный носик, широко распахнутые карие глаза и нежно-персиковая, бархатистая кожа.

Даже напускная серьезность и неприступность не позволяли синьорине выглядеть старше своих цветущих восемнадцати лет. Сохранять благопристойную сдержанность долгое время Лючия не могла, уж больно была смешлива и любознательна. Да и кокетлива не в меру, за что часто ловила на себе неодобрительные взгляды солидных матрон. Да что они понимают, эти многопудовые, краснолицые, обильно потеющие или, напротив, сухие, желчные и морщинистые, словно старые кожаные перчатки старухи? Разве могла она не кокетничать, да не наряжаться? В рамках приличий, разумеется. Для неё это все равно, что перестать дышать. Совершенно невозможно.

Бросив демонстративно-небрежный взгляд на новенькие, изящные золотые часики – подарок от родителей на последний день ангела и предмет гордости, плотно облегающие сияющим браслетом запястье, синьорина переменила позу и притворно-озабоченно посмотрела в начало перрона. И, словно повинувшись её нетерпеливому взгляду, там показался поезд. Сверкая блестящими черными боками и попуская дымом из трубы, он медленно прополз мимо Лючии, таща за собой всего три вагона и остановился, тяжело вздохнув, будто старая кляча. Сравнение показалось девушке столь забавным, что она, не сдержавшись, по-детски хихикнула.

Поездка эта затевалась железнодорожной компанией в рекламных целях. Прогулка на поезде имела целью осмотр красот нового железнодорожного маршрута, в том числе главной его достопримечательности – нового, супердлинного километрового тоннеля – инженерного чуда 1911 г. Синьорина Фантоцци получила приглашение совершить этот вояж в числе сотни других гостей. Предназначалось приглашение, конечно, отцу – крупному чиновнику, но того подобные развлечения давно не интересовали. То ли дело Лючию. Большая часть её попутчиков была вполне респектабельной публикой, однако присутствовало и много журналистов. Они принялись что-то строчить в своих кожаных блокнотах лихо заложенными ранее за ухо карандашами ещё до того, как поезд тронулся с места. Отношение синьорины к журналистам было двойственным. С одной стороны, вели они себя порой чрезвычайно развязно и даже вызывающе, но с другой стороны, были преимущественно молоды, напористы и, в большинстве своём, обаятельны. Для восемнадцатилетней барышни аргументы более, чем весомые.

Синьорина Фантоцци чинно зашла в вагон и заняла свое место у окна. Двое молодых людей самого что ни на есть журналистского вида, расположившиеся через проход от неё, не скрывая восхищенных взглядов приподняли свои шляпы в знак приветствия. Настроение Лючии, и так приподнятое, улучшалось с каждой минутой. Ох, пожалуй, мама была права, не стоило так затягивать корсет. Он чересчур сдавливал бедра и мешал сидеть. Но не беда. Зато талия – просто загляденье, двумя руками обхватить можно. Кто ещё из дам в вагоне может похвастаться такой? Да никто.

Поскольку было ещё утро, то одета синьорина Фантоцци была в сдержанно-элегантном стиле, который сама она находила скучноватым: шелковая блуза цвета слоновой кости с вышитым мелкими жемчужинками воротником-стойкой и кружевными вставками на рукавах и клинообразная синяя юбка. По новой моде подол у юбки был коротким и заканчивался чуть выше лодыжек, выставляя на всеобщее обозрение новенькие туфли с каблук-рюмочкой и

маленький кусочек изящных ножек. От этой моды Лючия была в восторге. Ведь юбка всегда могла взметнуться от резкого порыва ветра, например, и открыть постороннему (заинтересованно-мужскому, разумеется) взгляду, о ужас, безупречно стройные икры ног. У синьорины дух захватывало от такой перспективы, а в животе, в предвкушении подобного «несчастливого» случая, порхали бабочки. Да и в дождь подол не намокал в лужах. Дополняла её туалет шляпа – широкополая, синяя в тон юбке, всего с одним ярко-синим, большим пером (утро ведь).

Уже после того, как публика расселась, удовлетворенно крикнув, на мягких диванах, а мужчины сначала открыли (душно), а потом закрыли (сквозняк) окна в вагон вошла пара. В синьоре не было ничего необычного – летний костюм, шляпа, часы в жилетном кармане и солидная трость. А вот синьора одета была в высшей степени нелепо. Настолько нелепо, что синьорина Фантоцци, мгновенно позабыв про хорошие манеры, захлопала пушистыми ресницами и вытянула и так длинную шейку, дабы не упустить ни одной детали её наряда. Полосатое, серо-бордовое платье дамы, украшенное брошью под горлом и массивной пряжкой на талии, в районе коленей словно бы перехватывал ещё один пояс шириной в две ладони. Узкая юбка так сильно стягивала колени дамы, что передвигаться она могла лишь мелкими шажками. Поэтому, пока пара не спеша добиралась до своего места, рассмотреть наряд модницы, дополненный чересчур широкополой шляпой, успели все желающие.

Безусловно, это был Поль Пуаре, безошибочно опознала создателя этого безвкусного творения Лючия. Она уже видела подобные модели платьев в журналах, но наяву лицезреть не приходилось. Вывод её был окончателен и бесповоротен – она подобную нелепицу не оденет ни за что на свете. Жертва моды, между тем, с трудом устроилась на диванчике напротив, и синьорине Фантоцци пришлось старательно прятать глаза либо увлеченно любоваться видами за окном, только чтобы не пялиться самым неподобающим образом на даму.

Паровоз дернулся назад, дал протяжный гудок и тронулся. Дым густо повалил из трубы тем больше, чем быстрее набирал ход пожирающий бездонной топкой уголь паровоз. Путешествие и впрямь оказалось чудесным. Ясный, летний день (как и почти любой другой летний день в Италии), неизвестно как просочившийся в вагон легкий ветерок, шевелящий перо на шляпе, молодые люди, то и дело бросающие на неё красноречивые взгляды. То один, то другой молодой человек, проходя мимо, непременно пытались поймать деланно-безразличный взгляд Лючии, улыбнуться и приподнять шляпу в знак приветствия в случае удачи. Синьорина сияла, как ограненный алмаз, старательно пряча улыбку.

На подъезде к тоннелю поезд сбавил ход, а пассажиры прильнули к окнам, намереваясь изнутри хорошенько рассмотреть инженерное чудо. Как на грех, откуда ни возьмись поезд окутал молочно-белый туман. Он на глазах становился все гуще и непроницаемей, напоминая кисель. Свет снаружи померк. Поезд словно въехал в гигантскую креманку с молочным желе. Не видно было ни земли, ни неба, вообще ничего. В вагоне раздались недоуменные возгласы пассажиров. Туман, между тем, начал заползать в вагоны поезда через приоткрытые окна. Он падал на пол, наподобие ваты и начинал разрастаться, поглощая сначала ноги, а потом тела выпадающих в панику туристов.

Лючия подобрала юбку и приподняла ножки над полом. Но уже через несколько минут пока ещё более изумленная, нежели испуганная барышня с трудом различала силуэт сидящей напротив дамы. А еще через мгновение она вдруг оказалась в одиночестве. Просто чертовщина какая-то. Впавшие в панику пассажиры начали кричать и в суматохе наощупь носиться по вагону: никто не мог понять, что происходит. Туман приглушал их голоса, словно они были далеко, быть может, за плотно закрытой дверью.

«Проклятье, что происходит?»

«Это просто безобразие. Я буду жаловаться.»

«Какого дьявола Вы топчетесь по моим ногам, синьор?»

«Марко, милый, где ты?» – неустанно вопрошал слышимый лучше других, испуганный женский голос.

«Наверное, это синьора в платье,» – отстраненно подумала Лючия.

Туман густел, и вот уже осел мутно-белой влагой на пальцах девушки. Одновременно он начал светиться. Лючия словно ослепла. Она не могла понять где они. В тоннеле? Или ещё нет? Или уже миновали его? Синьорина совершенно потерялась во времени. Как давно поезд едет в этом тумане? В том, что он едет, сомнений не было – колеса постукивали, вагоны покачивало. Откуда-то издалека раздался полный отчаяния, протяжный паровозный гудок. Едва слышный.

Лючия встала и на ощупь добралась до прохода между рядами диванчиков. Прямо перед её носом оказались два мужских силуэта в шляпах, быстро проследовавшие по проходу в сторону тамбура. В приступе паники синьорина Фантоцци сорвалась с места и метнулась вслед за молодыми людьми. Почему-то она была совершенно уверена, что это те два журналиста, нахально прожигавшие её глазами в начале путешествия. Не сделав и трех шагов, Лючия споткнулась и упала на колени, тут же кто-то невидимый споткнулся об неё и мужским голосом выдал тираду, совершенно немыслимую в приличном обществе, да ещё в присутствии дам. Барышня на четвереньках отползла в сторонку, поднялась и снова предприняла попытку добраться до тамбура.

Туман вокруг светился все ярче. Лючии казалось, будто она находится внутри огромного рождественского шара, а вокруг горят не меньше дюжины свечей. Закрыв нос и рот рукой, словно это могло помочь ей не наглотаться туманного желе, девушка, наконец, добралась до тамбура и обнаружила там лишь открытую настежь дверь. Она легонько и абсолютно бесшумно покачивалась.

«Они прыгнули,» – поняла Лючия. И вот тут ей стало по-настоящему страшно.

Неожиданно туман исчез и наступила ночь. Вместе с ним исчезли все звуки. Поезд двигался в полной тишине. А такого не могло быть потому, что не могло быть никогда. Эта лязгающая железом, воняющая дымом, грохочущая и пылящая машина должна быть оглушительно громкой. Должна быть, но не была. Синьорина Фантоцци слышала только стук собственного сердца.

В открытую дверь тамбура девушка видела ночь – безмятежную, луноликую, с щедрой россыпью южных звезд на бархатно-черном небе. Невероятно. Сколько же времени прошло? Поезд двигался на удивление медленно и плавно. Перед глазами потрясенной синьорины проплыл деревенский дом, большой неухоженный сад, дорога, пересекающая железнодорожные пути, опущенный шлагбаум и потрясенный до глубины души человек средних лет в неизвестной Лючии униформе, судорожно вцепившийся в него.

Они встретились глазами и несколько мгновений смотрели друг на друга не отрываясь, пока поезд тащился мимо неизвестного ночного полустанка. В свете луны начищенные до блеска пуговицы форменного кителя незнакомца сияли, как бриллианты, фуражка с надписью на незнакомом Лючии языке приподнялась над головой вставшими дыбом волосами. Возможно, у синьорины Фантоцци тоже встали бы дыбом волосы, знай она, что поезд движется по насыпи с давным-давно разобранными путями по бескрайним просторам Российской империи.

Станционный смотритель – человек напрочь лишенный воображения, лицезревший сие чудо по причине хронической бессонницы, потерял покой и сон навсегда, окончив свои дни в «желтом» доме. Потрясение оказалось слишком велико. До утра он ползал на коленях по насыпи, шепча: «Как же так? Ведь даже трава не примята?» Там его и нашла рано поутру супруга – в шоковом состоянии, с безумными глазами, несущего сущую околесицу про старинный поезд, клубы дыма и юную красавицу.

Поезд же вновь въехал в светящийся туман и исчез. Лючия снова потерялась во времени и пространстве, не понимая где она и как давно. В одном девушка была уверена твердо: когда поезд снова выедет из тумана – она прыгнет. Устав, Лючия присела на ступеньку. Поезд по-

прежнему двигался медленно и бесшумно, словно плыл по воде в полный штиль. В какой-то момент свечение усилилось настолько, что синьорина вынуждена была зажмурить глаза. А когда открыла, то увидела прямо перед собой целую толпу оборванцев самого дикого вида.

«Господь Всемогущий, смилуйся! Где же это я?» – мысленно взмолилась Лючия, нагнувшись под блузкой распятие на золотой цепочке. Она не была слишком религиозна, но, как всякая порядочная девушка мечтала о пышном венчании: платье с длинным шлейфом, церковь, наполненная нежным ароматом роз, завистливо-восхищенные взгляды подруг и, конечно же, жених – непременно высокий, статный красавец, не сводящий с неё обожающих глаз.

Непонятно было, день здесь или ночь потому, что поезд проезжал вдоль крытого перрона необыкновенной красоты с мраморными колоннами, огромными, сияющими люстрами, лепниной и позолотой, словно это была не железнодорожная станция, а театр или палаццо. И как в таком чудесном месте оказались все эти люди? Разумеется, синьорине Фантоцци и раньше доводилось видеть бедняков и нищих в лохмотьях, но лохмотья эти – грязные и заношенные до дыр были, по меньшей мере, пристойной длины и скрывали наготу их обладателей. Такого же количества полуголых людей Лючии видеть никогда не доводилось. Здесь были женщины с абсолютно голыми ногами, лишь в коротких панталонах разного цвета, женщины в одних маленьких комбинациях на тонких бретельках вовсе без платьев сверху, женщины в мужских брюках, столь узеньких, что они непристойно облегали ноги, будто вторая кожа и стриженные так коротко, будто недавно переболели тифом. Быть может, этот тот самый дом, куда ходят мужчины? Даже думать об таком месте, вызывающем жгучее любопытство, было неприлично. А уж о желании поглядеть на него хоть одним глазком не стоило рассказывать даже ближайшим подружкам. Однако, мужчины на перроне тоже присутствовали – в нелепо коротких штанах, выставляющих на всеобщее обозрение их волосатые ноги, в рубашках без пуговиц и рукавов, в объемных туфлях странного цвета и вида со шнурками. Все эти диковинные оборванцы, преодолев минутное изумление, ошетинились какими-то маленькими черными коробочками, наставив их на Лючию, так, что чувствовала она себя в этот момент, словно мушка под увеличительным стеклом.

Щеки синьорины Фантоцци при виде этого вертепа стыдливо покраснели. Казалось, уже ничто не способно её удивить при всех виденных сегодня странностях, но пассажирам Московского метрополитена, ожидающим состав на станции «Комсомольская», это удалось. Настолько, что Лючия напрочь позабыла о своем намерении прыгнуть с поезда.

Вспомнила, лишь когда снова оказалась в тумане. Сколько она уже едет? И куда? Что вынырнет из тумана в следующий раз? Лючия сидела у тамбурной двери, обхватив руками колени. Шляпу, мешавшую ей смотреть (хотя смотреть сейчас было решительно нечего) она отколола от прически и выбросила прочь. Туман поглотил её жадно, словно лягушка пойманную стрекозу. За шляпой последовали шпильки и заколки. Каштановые кудри свободно рассыпались по плечам девушки и засветились вместе с туманом. Сначала тускло, потом все ярче и ярче. Свечение усиливалось, слепя глаза. Лючия отошла к противоположной стороне тамбура, зажмурилась, разбежалась и прыгнула в неизвестность.

«Кажись живая. Точно. Обалдевшая маленько, но живая!» – раздался над ней радостный мужской голос.

Лючия открыла глаза и попыталась перевернуться на спину. Плечо дернуло страшной болью, и она закричала. Сильные руки перевернули девушку на спину и откинули волосы с лица. Трое мужчин: один совсем не старый, двое – старые уже давно, тревожно смотрели на неё.

«Андрюха, ты с плечом поаккуратнее. Выбила, вроде. Вправлять придется. Ты по-русски то понимаешь, милая?»

Председатель.

«Чертовы овцы,» – матюкался про себя Андрей. Дребезжащий, как ведро с гайками УАЗик пробирался по нечищенной дороге, где только он и мог проехать, не увязнув в снегу, оставляя за собой глубокие колеи. Рычал он при этом так, что собраться с мыслями было решительно невозможно.

«Гена, забрось меня в правление и езжай пообедай,» – распорядился Андрей. В обед контора пустеет, и можно будет спокойно подумать

«Пообедаешь? Это мы всегда готовы,» – отшутился водитель.

Обращаться к водителю – мужику лет на двадцать его старше просто по имени было вполне обычным делом и панибратством не считалось. Уж так было заведено. А вот к нему последние два года все обращались не иначе, как Андрей Владимирович – уважительно и несколько подобострастно. Все-таки председатель колхоза – не хрен собачий. Самый молодой в области. В момент назначения ему было всего двадцать восемь лет. Двинули его на эту должность по комсомольской линии, как молодого и перспективного. Приятно, что и говорить. Солидности и вальяжности Андрей поднабрался быстро, остепенился, заматерел, словно солдат-срочник за пару недель до дембеля.

Внешний вид тоже изменился. Долговязый парень с гитарой в клетчатой рубашке – стройотрядовец и активист – округлился, набрал вес и в прямом, и в переносном смысле, отпустил пшеничные усы, делающие его старше и превратился в серьезного руководителя. Гитара пылилась в углу, уступив место «дипломату» с документами. Деловые костюмы сменили удобные клетчатые рубашки, убранные в дальний ящик. И Андрей с юношеским рвением кинулся в работу, намереваясь, как минимум, свернуть горы. Пыла хватило ненадолго. Оказалось, что работа, по большей части, строится по принципу: ты – мне, я – тебе, и главное в этом деле – личные связи. Без них никуда. А чтобы обрести этими самыми связями требуется время, и немалое. Только опутанные паутиной взаимных услуг и одолжений, люди функционировали эффективно, как единый механизм, без сбоев и проволочек. Смекнув, где собака зарыта, Андрей активно принялся встраиваться в систему.

Когда УАЗик подъехал к конторе, женщины из бухгалтерии уже гуськом потянулись по домам на обед. Все были местные, деревенские, жили по соседству. Время обеденного перерыва, хоть и двухчасового, понапрасну терять не стоило. У всех скотина: коровы, свиньи, утки, куры – кого кормить, кого доить, за кем убрать. Да и дети из школы пришли. Хорошо еще, что зима на дворе. Летом и вовсе не продохнешь, не то что поесть, стакан воды выпить некогда.

«Ой, Андрей Владимирович, а я только что все закрыла,» – шумно выдохнула спешащая Миляуша (в повседневном общении просто Миля, опять же без отчества, потому как секретарша).

«Ничего, я с ключами,» – отпустил женщину кивком головы Андрей, и та шустро посеменила по утоптанной с утра тропинке. Здание конторы было одноэтажным, по виду – совершенно обычный деревенский дом, если бы не табличка на стене у двери. Сунув по пути голову в красный уголок (пыль, герань, стулья с красной обивкой) и подергав двери всех кабинетов (порядок – заперто) Андрей вошел к себе.

Заставленный темной, тяжеловесной, казенной мебелью кабинет поначалу давил начинающему руководителю на психику. Он чувствовал себя зарвавшимся мальчишкой, нарядившемся в отцовский парадно-выходной костюм. И, когда появится хозяин, его выгонят отсюда поганой метлой, как ссаного щенка. Но за пару лет ничего – привык.

Тревожные мысли вернулись, как по команде, стоило ему снять тяжелую дубленку и сесть за стол: «Чертовы овцы.» Эти самые овцы, занимавшие все думы Андрея со вчерашнего дня, были овцами в самом что ни на есть прямом смысле. В колхозе их насчитывалась почти тысяча

голов. А проблем с ними было примерно, как с тропическими птичками на Северном полюсе. То есть выше крыши.

Воровали овец постоянно. Содержащиеся в овчарне, окруженной огороженными выпасами, овцы летом свободно паслись, а зимой жевали сено. Ночным сторожем при них работал суровый мужик – немногословный, заросший, аки леший, с синими, татуированными пальцами, отсидевший двенадцать лет за убийство. Но даже этот бывший зек воров ничуть не пугал. Украсть овцу было не просто, а очень просто. Крепкий мужик мог перетащить её через ограду выпаса, взвалить на плечи и убежать. Редкая овца весила больше 40 кг., в основном – меньше. Милиция на частые ночные вызовы реагировала вяло. Ясно было, что ловить очередного похитителя – все равно, что искать иголку в стоге сена. Только статистику портить.

Но главное – прибыли овцы не давали никакой. Шерсть приходилось возить сдавать на завод аж в Уфу, за несколько сотен километров от хозяйства. Стоила она копейки, а с учетом транспортных расходов это предприятие вообще теряло всякий смысл. Порой овец резали на мясо – для начальства, на похороны или свадьбу, или еще по какому вескому поводу.

Несколько месяцев назад Андрей, подстраховавшись решением Правления колхоза, принял волевое решение пустить овец под нож. Порезали стадо за месяц. К первому сентября овчарня стояла пустой, лишь голуби гулко ворковали под крышей. Целый месяц бригада плотников по локоть в крови резала овец. Мясо выдавали в счет заработной платы или продавали всем желающим по 2 руб. за килограмм. Частники охотно брали овец живьем по 1 руб. 10 коп. за килограмм живого веса, угоняя их небольшими отарами по 10-20 голов. В общем, овцы разошлись, будто горячие пирожки. Андрей облегченно выдохнул. И напрасно.

Первому секретарю райкома партии о произошедшем не докладывали три месяца. Боялись. Гром грянул только сейчас – в декабре, накануне нового 1990 г. Завтра утром Андрей Владимирович был вызван на пленум райкома партии, и ничего хорошего от этого мероприятия ждать не приходилось. По авторитетному мнению большинства товарищей, ему следовало запастись вазелином. Как не хотелось себе в этом признаваться, но поджилки у молодого председателя тряслись не на шутку. Партбилет отобрать могли запросто, а тогда и с работы попрут точно. Такой удар по самолюбию пережить будет трудно.

И ведь все вокруг все понимают. Нынче уже не те времена, что еще даже пару лет назад. Если от овец одни убытки – извести их под корень, да и дело с концом. «Перестройка, гласность, самоокупаемость,» – с сарказмом думал Андрей. – «А чуть что, так партбилет на стол. Да и положу. Пусть подавятся.» Знал он за собой эту черту – принимать иногда решения сгоряча, не обдумав их, не обмозговав в спокойной обстановке со всех сторон, рисковать. Житейскую мудрость молодому председателю ещё было наживать и наживать.

С первым секретарем райкома партии – мужиком пуганым, вьедливым, мелковатым, ни дня не работавшим на реальном производстве (шел сплошь по партийной линии) отношения у Андрея не сложились сразу. При первой же попытке надавить на него авторитетом, Андрей вспылал: «Почему Вы разговариваете со мной таким тоном? Я такой же член партии, как и Вы. Просто Вас мы избрали первым секретарем.» В ответ на эту несколько детскую отповедь тот потерял дар речи от возмущения и с тех пор возмутителя спокойствия иначе, как «борзым щенком» не называл. Случись эта история несколькими годами раньше ... Но сейчас времена были уже не те. Андрею с тех пор хватало благоразумия не лезть больше на рожон. До сегодняшнего дня. Чертовы овцы.

Давно Андрей Владимирович так не мандражировал, как следующим утром. Водитель, глядя на непривычно мрачно-сосредоточенного шефа, счел за благо кроме дежурного «Здравствуйте» рот не открывать. И с облегчением выдохнул, когда тот выбрался из салона и зашагал к дверям райкома партии, велел ждать.

Нервно дергая тугой узел галстука (терпеть не мог эти удавки, но положение обязывало), Андрей сидел в «предбаннике», ожидая приглашения войти и прокручивая в голове контр-

аргументы. Без боя он не сдастся. Что он – мальчик для битья, в самом деле? Принятое им решение экономически обосновано, а это главное.

«Андрей Владимирович, проходите пожалуйста,» – пригласила его безупречно вежливая секретарша Тамара Павловна с сочувственным взглядом. Разумеется, в райкоме партии, как в деревне, – все всё про всех знают. Насупившись, словно разъяренный бык на корриде, Андрей решительно дернул ручку двери, сделал шаг и ... провалился в светящийся туман.

Оторопевшая Тамара Павловна, уронив папку с документами, наблюдала, как дверь в зал заседаний медленно закрылась. Потом, действуя словно под гипнозом, подошла и открыла её вновь. Дюжина голов в недоумении разом повернулась к ней.

Андрея Владимировича Ковалева в зале не было.

Солдат.

«Господи, благодать-то какая! Скупнуться бы,» – мечтательно зажмурился Никимчук, зачерпывая пригоршнями воду и с наслаждением ополаскивая лицо. Фыркал он при этом громче лошади, которую и привел на водопой в лесную глубь к тихой, безымянной речке, берега которой были завалены упавшими деревьями. Вода в неспешной речушке была цвета крепкого чая, видимо, текла она по торфяникам, на которые была богата эта земля. И на удивление теплой для начала мая. Хотя тут, гораздо южнее дома, наверное, это было нормально. Купаться времени, конечно, не было, а вот портянки перемотать можно. Стянув кирзовые сапоги, Иван Петрович разматал обмотки и сунул ноги в воду: «Вот теперь точно благодать.»

«Эх, где он – дом? Бабы (а только они там, почитай, и остались) сеют поди, да картоху сажают. Им бы сейчас такую теплынь, как здесь стоит. Душа то за них болит. Война проклятущая,» – враз посерьёзней Никимчук.

Уже третий год бил он фашистов. Ну бил – это громко сказано. Все три года при полевой кухне обретался поваром. А что? Тоже дело важное. На голодный желудок много не навоюешь. А он – мужик хозяйственный, такая работа для него в самый раз.

Вот сейчас фронт перешел в наступление, да так быстро, что тылы за ним едва поспевали. И Никимчук торопился, как мог. Перед наступлением солдатам выдали сухие пайки: сухари, сало, консервы. И, согласно нехитрой, голодной, солдатской мудрости, они старались съесть все до боя, а то убьют и не попробуешь. Но горячая еда, конечно, всегда лучше. Иван Петрович со своей кухней, которую тащила смиренная, немолодая коняга по кличке Веснушка, названная так из-за грязно-белой масти с рыжими подпалинами, догонял действующие части ближе к ночи. Располагался где-нибудь неподалеку в ложбинке, стараясь, чтобы враг не заметил дыма, шустро разжигал огонь и начинал кошеварить. Кухня его состояла из трех котлов: в одном готовилось первое, в другом второе, а в третьем – кипяток. Топилась она, разумеется дровами и накормить горячим роту солдат могла часа за полтора.

Посыльные из частей приходили с своими термосами-контейнерами и, нанюхавшись аппетитного запаха кулеша – горячей каши с мясом, ползли с долгожданным грузом в окопы на передовую. Каждому солдату отмеряли в котелок по черпаку кулеша и выделяли пайку хлеба. Зимой хлеб порой приходилось резать двуручной пилой, потому что на морозе он превращался в лед. Помимо горячей еды готовил Никимчук и отвар из сосновой и еловой хвои – от цинги. Гадость была несусветная. Но пить её предписывалось всем, дабы не остаться без зубов. Иван Петрович добросовестно давился отваром. Шел ему уже шестой десяток, поэтому улыбка и так зияла прорехами. Коли остальные зубы выпадут, то жевать то чем? Утром Никимчук наводил в своем хозяйстве порядок, немного кемарил и снова пускался в путь.

Иван Петрович был человеком основательным, обладающим известной долей крестьянской хитрости и житейской мудрости. Солдатскую лямку тянул добросовестно, от работы не бегал, но и за ней не гонялся. Главная солдатская мудрость «подальше от начальства – поближе к кухне» соблюдалась им неукоснительно. Да и везло. За все время только одно ранение – спину осколками посекло. Оклемався в госпитале и назад, в часть. А лошадку его тогда убило, как вернулся, получил другую – скотину на редкость смиренную и безропотную. Которая, кстати, давно уже напилась и вопросительно косила на него карим глазом. А Иван Петрович никак не мог вынырнуть из омута воспоминаний. Здесь, на берегу, словно и не было войны. Бесшумно зависали над почти стоячей водой стрекозы, изредка плюхала в реку игривая рыбешка, солнечные лучи застревали в густых кронах прибрежных деревьев. Едва слышную вдали канонаду можно было принять за далекий гром – предвестник наползающей грозы. Вспоминалась Петровичу жена – баба добрая, но шепотная и суматошная (постарела поди совсем за время разлуки – бабий век короток), дочери – одна к началу войны уж замуж выскочила и мальчонку

родила, вторая только восьмилетку закончила, да сгнившая ступенька на крыльце – средняя из трех. Хотел ведь он её поменять, да все руки не доходили. Теперь уж точно совсем сгнила. Бабы то небось теперь прыгают через неё, да каждый раз на него чертыхаются. И почему такие глупости в голову лезут? Война кругом, а он то ступеньку вспоминает, то бесноватого соседского козла, застрявшего рогом в его заборе, то нахальную кошку, выгнавшую Полкана и окотившуюся в собачьей будке.

Растягивая минуты затишья, Никимчук не спеша намотал портянки и натянул кирзовые сапоги. Потом сунул за голенище ложку. Как и для любого солдата, для Ивана Петровича ложка была не просто столовым прибором, а, по сути, солдатским медальоном. Все его данные: фамилия, имя, отчество, год рождения и откуда родом, были тщательно выпарапаны на ней перочинным ножом. Солдатский медальон – маленький черный прямоугольный пенал, в котором надлежало держать записку со всей этой информацией Петрович выбросил от греха подальше из-за стойкого суеверия, что коли он будет при нем, то обязательно убьют. Да и не поверье это вовсе, уж сколько таких случаев было.

«Помыться бы,» – снова подумал Никимчук. – «Да некогда, поспешать надо.»

Тяжело поднявшись, Иван Петрович развернул Веснушку и повел её по заросшей просеке к дороге. Хотя и был он на «прожарке» всего две недели назад, вша уже начала заедать. Вши были настоящим бичом и спасения от них не было никакого. «Прожарки» и в тылу, и самодельные в частях работали без передыху, при любой возможности. Но толку было немного, лишь временное облегчение. Когда неделями сидишь в окопе, не имея возможности помыться и переменить бельё, это зло неизбежно. Проявляя чисто русскую смекалку, в частях приспособились выпаривать вшей из одежды, используя любую подвернувшуюся бочку, в которую наливали пару ведер воды, разводили под ней костерок, да поверху, на сетке раскладывали обмундирование. В тылу, конечно, масштабы были другие. Там использовали целые машины-«вошебойки» с закрытыми фургонами. Туда загружали обмундирование и обрабатывали горячим воздухом.

А это еще что такое? Посреди просеки на боку лежал грузовик. Да не наш. Никимчук словно в стену с разбега взлетел. Фрицы. Просеку давно не расчищали, и молодая поросль диких вишен, кленов и берез начала активно осваивать жизненное пространство, маскируя старые пеньки. Видимо, один из них и стал причиной аварии. Бросив свою полевую кухню, Иван Петрович схватил винтовку и опрометью бросился в лес. Схоронившись за деревьями, он перевел дух. Как же он умудрился раньше его не заметить? Совсем замечтался, старый осел. Эх, жалко лошадку. Да не увести её теперь оттуда, с открытого места, враз пристрелят. Пробираясь ближе к немецкому грузовику между деревьев и кустов, он не замечал никаких признаков жизни. Из кузова опрокинутой машины вывалились и разбились несколько ящиков. Никак, консервы. Вот это кстати. Пользовать трофейный провиант не возбранялось. Мужики только рады будут. Спрятавшись за кузов, Никимчук вскинул винтовку и медленно двинулся к кабине.

Фашист был внутри. Один. Живой. С окровавленным лбом, судя по следам, разбитым об лобовое стекло, уцелевшее, но покрывшееся паутиной трещин.

«Хенде хох,» – скомандовал немчуре Иван Петрович и добавил по-русски: «Вылезай, сволочь. Быстро.»

Фриц истерично залопотал что-то на своем языке. Никимчук в языках был не силен, и весь свой словарный запас на немецком уже выдал. И что за язык такой? Будто собаки брешут. Вместо ответа он грозно мотнул винтовкой и повторил приказ. Фриц снова заверещал срывающимся голосом.

«Зажало, поди. Выбраться сам не может,» – запоздало подумал Петрович. – «И чего я его сразу не пристрелил, разговоры разговаривал? Валандайся теперь с ним.»

Несколько бесконечно-долгих секунд Никимчук целился в немца, потом, будто на что-то решившись, смачно плюнул и, не опуская винтовки, подошел вплотную к кабине. Выбив ногой потрескавшееся лобовое стекло, он осторожно заглянул внутрь. Помимо лба, окровавленная у немца была еще и нога, кое-как перевязанная какими-то грязными тряпками. Петрович деловито обшарил немца, вытащил из машины винтовку, а пачку сигарет, найденную у него в кармане, переложил себе. Больше ничего интересного в кабине не оказалось: ни документов, ни оружия. Фриц снова попытался что-то сказать.

«Заткнись, немчура,» – озабоченно бросил Никимчук. – «Вот была бы у него в руках винтовка, пристрелил бы, не задумываясь. А теперь что мне с ним делать?»

Фашист моргал выпученными голубыми глазами, судорожно сглатывая и ожидая решения своей участи. Был он белобрысый, коротко стриженный, с такими же белесыми, как будто выпцветшими, ресницами и бровями, и худой, кадыкастой шеей. Немолодой уже, усталый, измученный болью и обессиленный кровопотерей мужик. Человек, как человек, не зверь и не дикарь. Обычный мужик. А дома, небось, семья, дети. Краем уха от мужиков Петрович слышал, что немцев в ихней Германии за отказ идти на фронт чуть ли не в тюрьму сажают. Видать не рвутся сильно, помирать неохота. А может брехня все это. Пропаганда.

«Ладно,» – решил Иван Петрович. – «Сдам его в штаб, как языка. А там пусть сами разбираются. Мое дело маленькое.»

Выбив прикладом остатки стекла, Никимчук аккуратно прислонил винтовку к машине и, дополняя слова жестами, скомандовал: «Давай, фриц, вылезай.» Тот засуетился и, преодолевая боль, полез в выбитое окно, вскрикивая от боли в потревоженной ноге. Петрович подхватил его под мышки и выволок на траву. Охнув, немец едва не потерял сознание от боли. Дав ему немного отлежаться, Никимчук пнул фашиста в бок: «Вставай давай.» И снова пришлось ему помогать, встать без посторонней помощи немец не мог. Идти, впрочем, тоже. Повиснув на плече Петровича, он прыгал на одной ноге, держа вторую на весу. Упав пару раз по дороге, запнувшись за пеньки и ветки, они добрались до полевой кухни. Немец, по-прежнему поддерживаемый Иваном Петровичем, на четвереньках взобрался в возок и устроился на сидении. Про разбитые ящики с консервами пришлось забыть, кроме пары банок, наспех сунутых в карман. «Жалость то какая. Столько добра пропадет,» – сетовал он про себя.

«Связать фрицу руки, что-ли, для порядка?» – подумал Никимчук и выудил из заглазника веревку. Немец с готовностью подставил руки.

«Уж больно он покладист,» – проявил подозрительность Петрович, затягивая узел покрепче так, что пленный молча поморщился. Из-за лежащего на боку грузовика по просеке теперь было не проехать. Пришлось разворачивать Веснушку, возвращаться назад к реке и добираться в расположение войск той же донельзя разбитой дорогой, что приехал.

Низколетящий мессершмитт вынырнул словно ниоткуда. Никимчук услышал шум двигателей лишь за пару минут до того, как он появился из-за макушек деревьев: вихляющийся из стороны в сторону, надривно ревуший, оставляющий за собой в небе черный, дымный след. Самолет падал. От этого пронзительно-воющего звука Петрович невольно покрывался холодным потом, и привыкнуть к нему за годы войны так и не смог. Сердце немедленно нырнуло куда-то в пятки. Накренившись на правое крыло, самолет завалился на бок, врезался в кроны прибрежных деревьев, перекувырнулся, будто гимнаст в цирке, и рухнул у кромки воды метрах в тридцати впереди, взорвавшись огненным шаром. Людей обдало жаром.

Веснушка в ужасе встала на дыбы и рванулась назад и в сторону одновременно, опрокинув возок с полевой кухней в реку. Падая в воду, Иван Петрович не переживал. У берега было мелко – ничего страшного. Мысленно забегай вперед, он уже выскакивал из воды и бросался успокаивать лошадь. Лишь бы она в панике ноги не переломала. Однако, мгновения летели, а он погружался в воду все глубже и глубже. Вот и воздух в легких почти закончился, а дна все не было.

«Да не может этого быть, тут глубины то по пояс, не более. Мы же у самого берега,» – в накатывавшем, словно морской прилив, приступе паники открыл плотно зажмуренные глаза Никимчук, будучи абсолютно уверенным, что в воде цвета крепкого чая не увидит ровным счетом ничего. Но вода вокруг вовсе не была темной, она светилась, будто где-то снизу, на дне горел мощный прожектор. А прямо перед глазами Ивана Петровича отчаянно трепыхались ноги фрица, пытавшегося всплыть, ведь руки его были по-прежнему связаны. Недолго думая, Никимчук ухватил немца за ногу. Легкие разрывались. Потеряв контроль над собой, Иван Петрович открыл рот в безнадежной попытке вздохнуть.

Против ожидания, вздохнул он чего-то странного. Воды тоже, конечно, но и воздуха – какого-то вязкого, густого, но все же воздуха. В этот момент Никимчук понял, что он уже и не тонет вовсе, а падает. И несколько секунд спустя ударился спиной о землю. Сверху на него тут же молча сверзился немец, вышибив из его легких и воду, и воздух. Глаза резануло нестерпимым светом. Никимчук закричал.

Студент.

Клептомания – это диагноз, а если ты просто вороватый балбес, то это – образ жизни. И не самый худший, надо сказать.

Первой осознанной кражей, совершенной Никиткой в возрасте пяти лет и помнимой им так отчетливо, будто это было вчера, было похищение фигурки человека-паука. Никита стащил его из шкафчика одноклассника Сашки в детском саду перед самым началом тихого часа, когда ребята, сидя на стульчиках снимали шорты, футболки и платья и в меру своих способностей аккуратно развешивали их на спинках тех самых стульчиков. А воспитательница, словно тюремный надзиратель, прохаживалась вдоль рядов, урезонивая шалунов и поторапливая копуш. Никитка не планировал ничего заранее, просто шел в туалет мимо двух рядов выкрашенных голубой краской шкафчиков с красочными картинками на каждом. На дверце Никитино шкафа был нарисован толстый, улыбающийся гриб с глазами, а на соседском, том самом, который стал местом преступления – снеговик с ведром на голове.

Все получилось как-то само собой: шкафчик случайно открылся, вожделенная фигурка человека-паука в красно-синем костюме, с гнущимися во все стороны руками и ногами неожиданно выпала прямо в руки Никите и он, перепутав шкафчики, положил её в свой. Случайно. Совершенно случайно. По крайней мере, так он рассказывал маме и воспитательнице, когда таинственное похищение было раскрыто. Произошло это уже через несколько часов, когда мама ревущего белугой и отказывающегося идти домой Сашки уговорила воспитательницу заглянуть в шкафчики других детей. Многочисленные взгляды, которыми обменялись после его рассказа воспитательница и мама, Никитка не заметил.

Он, вообще, не сильно заморачивался последствиями своих действий. Сначала делал – потом думал. А бывало, что и потом не думал, если все благополучно сходило с рук. Но так случалось не всегда.

Однажды Никита попался по-крупному, да так, что маме даже пришлось перевести его в другую школу. Вызванная к директору, мама долго плакала вечером дома, придавленная грузом предъявленных неоспоримых улик. Приехавший на подмогу папа (родители тогда уже не жили вместе) сначала разговаривал с ним «по-мужски», а потом, разгорячившись, просто орал. Но звучало все это как-то неубедительно. У папы была уже другая семья, и он торопился домой.

И, главное, было бы из-за чего такой шум поднимать. Ну подумаешь, лазил в школьной раздевалке по карманам и тырил мелочь. Так ведь в буквальном смысле мелочь – деньги на проезд, жвачку и прочую ерунду. Стыдно Никите не было, хотя маму он горячо уверял в обратном. Верила ли Никитке мама? После этого случая уже нет. И что с ним теперь делать, не представляла. Учился тогда юный воришка в четвертом классе.

Большинство его краж были совершенно спонтанными: шел мимо, увидел то, что плохо лежало, сунул себе в карман. От крупного воровства Бог пока миловал. А вот по мелочи: у новой соседки по парте пропал кубик Рубика (занятный такой, и не кубик вовсе, а треугольник), у маминой подружки из кармана пачка сигарет (она все равно навеселе была, может потеряла где и не заметила), сосед посеял где-то наушники.

Ни шатко, ни валко, доучился Никита до окончания 11-го класса, ни на минуту не задумавшись о будущем. Испытывавшая угрызения совести мама, которая к тому времени завела нового мужа и родила нового сына, напряглась и нашла место, куда можно было пристроить даже такого тухлого троечника, каким был Никитка, чтобы он не загремел в армию. Так и оказался он на девятнадцатом году жизни первокурсником заштатного сельскохозяйственного ВУЗа по специальности агрономия. Учитывая стойкую непопулярность профессии среди абитуриентов, конкурса сюда не было вовсе, брали всех, кто сумел сдать Единый государственный

экзамен на минимально-допустимый балл. Новоиспеченный студент поселился в общежитии и на три недели отправился собирать урожай в подсобное хозяйство института.

Зинаиде Викторовне – вахтерше ВУЗовского общежития с 20-ти летним стажем этот студент не понравился сразу. На своем веку она повидала немало студентов: ответственных зубрилок (вымирающий ныне вид), отъявленных разгильдяев (иногда умудрявшихся даже закончить институт), обаятельных прощелыг (у этих все схвачено, куплено, договорено), наивных простачков (в общежитии учившихся жизни на удивление быстро) и многих прочих. Едва взглянув на Никитку, она наметанным глазом мгновенно определила – безалаберный балбес, толку от него по жизни не будет. Педантичную перфекционистку подобные субъекты раздражали до крайности. Такие всегда тащат грязь с улицы на ботинках, хотя решетка для очистки подошв вот она – у подножия лестницы, они забывают выключить воду и заливают соседей снизу, носят мятые рубашки и брюки без отутюженных стрелок, и всегда и всюду опаздывают, словно курицы безголовые.

Сама Зинаида Викторовна жила в комнате в том же общежитии, поэтому на посту была, можно сказать, круглосуточно. Вахтером она работала с 1997 года, когда вышла на пенсию, оставив преподавание высшей математики в этом же институте на долю более молодых коллег. Одинокая, замкнутая, всему на свете предпочитавшая строгий порядок, существовавшая в своей до блеска вылизанной комнате женщина имела только одну слабость – кошки. Даже перфекционизм вынужден был капитулировать перед дымчато-серым сокровищем британской породы с вислоухими ушами и по-британски самодовольной, высокомерно-аристократической мордой. Сокровище откликалось на кличку Эммануил (по-домашнему Моня). Впрочем, делало это весьма неохотно, лишь заслышав шуршание пакетика с кормом. Кастрирован Моня не был и иногда, по предварительной договоренности хозяев, встречался с дамами. А иногда просто удирал, пользуясь любой подвернувшейся возможностью. И тогда Зинаида Викторовна с самым несчастным видом бродила вокруг общежития и по окрестным дворам, заунывно стеля: «Моня, Моня, Эммануил. Кис-кис-кис.»

Конфликт между безалаберным студентом и авторитарной вахтершей достиг пика в тот день, когда хитроумный Моня вновь сумел обдурить обожающую его тюремщицу и удрать на улицу. Как на грех, прощмыгнул он в аккурат между ногами входящего в общежитие Никитки. Испепелив балбеса уничижительным взглядом, Зинаида Викторовна выскочила на улицу, но котыры уже и след простыл.

Моня нашелся через сутки. Захотел жрать и вернулся сам, проскользнув в общежитие с кем-то из входящих: мокрый, грязный, довольный. Октябрь все-таки, погода к долгим прогулкам не располагает. Никитка же впал в немилость окончательно и бесповоротно. Теперь Зинаида Викторовна не упускала ни единого шанса, чтобы ткнуть его лицом в грязь.

«Молодой человек,» – окликала она его противным голосом каждый раз при входе в общежитие. – «Далеко направились? Предъявите документы.»

«Да я же живу здесь. Вы меня знаете,» – лепетал Никитка.

«Много Вас тут шляется. Всех не упомнишь. По правилам Вы должны предъявить документы при входе,» – сурово отрезала бдительная вахтерша. Но даже вовремя предъявленный паспорт её не удовлетворял. Каждый раз (бывало несколько раз за день) она внимательнейшим образом изучала все странички документа, поглядывая на томящегося юношу поверх очков. Потом, не спеша возвращать его, отправляла Никитку почистить грязь с ботинок или стряхнуть воду с мокрого зонта на улице. Да, обиженная пожилая дама при должности способна попортить немало нервов, сделав жизнь невыносимой. Что она с успехом и делала.

Коварный план мести созрел в голове у Никиты совершенно случайно, как и бывало обычно: шел мимо – увидел – украл. На этот раз предметом кражи был Моня.

Котыра утробно мурчал, царапая изнутри спортивную сумку. И молодому человеку казалось, что все прохожие обращают на это внимание. Впервые в жизни Никитка чувствовал что-

то вроде угрызений совести и абсолютно четко осознавал – он украл. Возможно, это происходило потому, что кот не был пачкой сигарет, игрушкой или мелочью из кармана. Он был живой – отчаянно сопротивляющийся, шипящий и царапающийся. Украсть то Никита его украл, чтобы насолить надоедливой старухе, но что с котом делать дальше не представлял.

Решение пришло внезапно. Увидев проехавшую мимо маршрутку, молодой человек пропустил следом и догнал её на остановке. Он отвезет кота куда-нибудь подальше и выпустит. Вот так.

Белый воротничок.

Глиобластома – слово то какое красивое. Словно упругая, блестящая, с переливающейся зеленой чешуей змея с гладким телом, скрученным в тугие кольца, неторопливой грацией в движениях и холодным, неподвижным взглядом. И что это значит? Он, конечно, слышал все, что сказал доктор. Но не понимал. Отказывался понимать. И что все это значит?

Из онкологического диспансера Эдуард Петрович вышел, сердито размахивая кейсом с документами, в распахнутом настежь дорогом черном пальто с синим шарфом, свисающим из одного рукава и волочившемся по земле. Он решительно шагнул прочь от этого богопротивного учреждения, разбрызгивая воду холодных, октябрьских луж вмиг промокшими кожаными туфлями. Ну не предназначены итальянские туфли для прогулок по лужам. Конец синего шарфа, намокший в воде, набух, потяжелел и лениво тащился по земле за Эдуардом Петровичем пока, наконец, весь не выскользнул из рукава. Сам Эдуард Петрович, пребывая в полном расстройстве чувств, этого досадного недоразумения не заметил. Он покинул огороженную забором территорию диспансера и, ни на секунду не замедлив шаг, пошел по тротуару направо. Тогда как его автомобиль премиум класса, новенький и блестящий, как пряжка солдатского ремня, остался стоять на парковке слева.

И зачем он вообще согласился сюда поехать? У него всего лишь болела голова. Да, сильно. Да, последнее время чаще, чем раньше. Особенно последние пару лет. Голова болит у всех, ничего страшного. Правда, несколько недель назад, будучи на отдыхе в Эмиратах, он потерял сознание. Крайне неприятная история. Все решили, что от жары, да и он так думал. Но, как человек осторожный, решил провериться. И после отпуска наведалься в платную клинику с улыбочиво-предупредительными медицинскими сестрами, мягкими коврами, приглушающими шаги, и астрономическими ценами за услуги. Выкачав из денежного клиента литр крови для анализов и прогнав его по всем имеющимся специалистам для консультации (план надо выполнять, а от слишком быстро поставленного диагноза прибыли не получишь) врач назначил МРТ, как апофеоз обследования. После чего, старательно пряча глаза, рекомендовала ему немедленно обратиться в областной онкологический диспансер. Вот так, из дорожной клиники в самый обычный, заштатный диспансер. И вот сегодня доктор – усталый, какой-то пожухлый, словно куча прошлогодней листвы, с плохим запахом изо рта – озвучил окончательный диагноз. Глиобластома. Неоперабельная. Дальше будет только хуже.

Лучше бы он вообще ничего не знал. И никогда туда не ходил.

Почему? Почему это случилось именно с ним? С ним – Эдуардом Петровичем Гройсманом, сорока восьми лет от роду, заместителем директора крупного банка, успешным, состоятельным человеком, находящимся на вершине пищевой цепи (ну почти). Чем он заслужил такое? Почему он, а не какой-нибудь алкаш, наркоман, бомж или ветхий, слабоумный старик? Они все равно умрут, если уж быть откровенным, так какая разница от чего? Почему же эта болячка досталась ему? Ведь он заботится о собственном здоровье: регулярно ходит на массаж, принимает самые дорогие витамины, дважды в неделю плавает в бассейне.

Эдуард Петрович широко шагнул, не замечая ничего вокруг: ни начавшего накрапывать дождя, ни грязных брызг, летевших из-под колес проезжающих мимо машин, ни разгневанной мамы с коляской, которую он едва не опрокинул на ходу. «Мужчина ...» – гневно рявкнула она, но, заметив совершенно безумный взгляд обидчика, осеклась и предпочла не связываться, спустив все «на тормозах». «Еще под машину попадет, псих,» – озабоченно подумала она вслед.

Между тем, в голове у Эдуарда Петровича мысли прыгали, словно стая диких обезьян, заприметившая в листве удава.

«И что же дальше? Что будет потом, когда я ...?» – сфокусировались они, наконец. – «У меня даже детей нет.»

«Нет, но скоро будет,» – подсказал с трудом пробившийся голос разума.

«А мне то уже все равно,» – ехидненько ответил ему Эдуард Петрович. При этом лицо его скривила такая дьявольская гримаса, что шедшая навстречу бабуля со страху перекрестилась.

Да, конечно, Ирочка. Девушка может и не самая умная в академическом смысле этого слова, но житейской мудрости ей было не занимать. Сейчас она находилась на седьмом месяце беременности и обустроивалась в его квартире, проявляя чудеса покладистости и сговорчивости. Ирочка, разумеется, хотела замуж. И, словно опытная оперная примадонна, вела свою партию безупречно: домашняя еда, наглаженные рубашки, уют, комфорт и ласка по первому требованию. Если Ирочка благополучно родит ему здорового ребенка, Эдуард Петрович был намерен на ней жениться. О чем и поставил в известность, перевезя к себе два месяца назад.

Ирочке было двадцать пять. Познакомился с ней Эдуард Петрович, инспектируя отделение их банка в захолустном районном центре. Она была хорошенькой, предупредительной, в глаза смотрела пристально и после приглашения поужинать ломаться не стала. Инспекция захолустья прошла на редкость удачно.

Эдуард уже пробовал однажды завести семью. Лет пятнадцать назад. Тогдашняя его супруга – Маргарита Аркадьевна была женщиной яркой, броской, ослепительно-надменной. Надо признать, что для этого были все основания. Маргарита была из тех женщин, вслед которыми мужчины оборачиваются непроизвольно, как флюгеры на ветру. Но жить с такой, все равно, что сидеть верхом на действующем вулкане. Ирочка на её фоне выглядела, будто крошечная белоснежная голубка по сравнению с райской, тропической птицей в многоцветном оперении, – мило и скучно.

Эдуард Петрович и тогда не обольщался – замуж за него Маргарита вышла не по большой любви. Однако рассчитывал, что их брак будет строиться на взаимовыгодном сосуществовании: с его стороны – материальное благополучие, с её – ребенок. Но деторождение по разным причинам все откладывалось. Сначала Маргарите Аркадьевне нужно было закончить аспирантуру, потом обустроить новую квартиру, потом раскрутить свой маленький бизнес (не будет же она сидеть дома, как какая-нибудь клуша). Причины подождать с обзаведением наследниками множились, как пиявки в болоте. Момент, почему-то, всегда был не подходящим. К тому времени, как Эдуард понял, что жена водит его за нос и рожать вовсе не планирует прошло семь лет. В результате развода оборотистая Маргарита Аркадьевна оказалась владелицей квартиры, машины, некоторого капитала и вполне процветающего магазина детской одежды. Супруг остался ни с чем. Как так получилось, Эдуард Петрович и сам толком не понял. Однако с тех пор, обжегшись на молоке, дул на воду. В отношениях с женщинами всегда боялся подвоха и видел лишь корыстные мотивы. Ирочка исключением не была. Но если она сначала выполнит свою часть сделки, то он был готов выполнить свою.

«Надо жениться на ней сейчас,» – сформировалась первая здравая мысль. – «Иначе как она докажет потом родство ребенка со мной? А если он не мой? Я ведь хотел сначала сделать анализ ДНК.»

Эта мысль поставила его в тупик. Человек консервативный, Эдуард Петрович был сторонником традиционных семейных ценностей, но чужих детей воспитывать и содержать отнюдь не собирался. Не найдя с кондачка решение этой проблемы, Эдуард приблизился к перекрестку, по-прежнему двигаясь, словно неуправляемый снаряд. В этот момент, на его счастье, на светофоре загорелся красный свет, и машины начали притормаживать. Прямо перед носом Эдуарда Петровича остановилась маршрутка, явив собой непреодолимое препятствие. Недолго думая, он распахнул дверь и вошел внутрь.

Мама.

Катя не знала радоваться ей или плакать. Алан появился в её жизни вновь так же неожиданно, как и исчез три года назад. Просто пришел и позвонил в дверь. Благо жила Катя все там же (куда же ей деться).

«Эй, джигит, какой ты уже большой! Ну, что прячешься за матерью, выходи,» – улыбаясь, обратился он к Русланчику, проигнорировав Катю вовсе. Тот уцепился за мамину руку покрепче и вопросительно посмотрел на неё снизу вверх. Пятилетний Руслан был застенчив и стеснителен. В любой непонятной ситуации он прятался за Катю и уже оттуда тревожными глазами наблюдал за происходящим.

«Так не пойдет,» – нахмурился нежданный гость, присаживаясь на корточки. – «Джигиты за мамкину юбку не хватаются. Ты же мужчина.»

Алан ухватил сына за локоть и потащил к себе. Руслан немедленно залился отчаянным ревом, который только и привел, наконец, в себя растерявшуюся Катю.

«Алан, подожди. Он тебя не помнит и боится. Подожди,» – Катя подхватила сына на руки и залепетала что-то успокаивающее, целуя его поочередно в лобик, щечки, носик.

Поднявшийся Алан хмуро смотрел на них обоих. Он имел все основания быть недовольным. Мало того, что сын его не узнал, так еще и ведет себя, как девчонка: плакса и трус.

«Ужинать будешь?» – обратилась к нему Катя, успокоив ребенка, и молча посторонилась, пропуская Алана в квартиру.

Пока она хлопотала на кухне, мужчины нашли общий язык. Поладить с пятилетним ребенком не так уж сложно. По нынешним временам достаточно дать ему поиграть свой смартфон. Даже Алану, не отличающемуся терпением, это удалось без труда. Русланчик так и ужибал, вертя в одной руке новую игрушку. Катя же просто уткнулась в тарелку. Алан молча ждал, пока она уложит ребенка и вернется на кухню. В крошечной однокомнатной квартире поговорить было больше просто негде.

«Что ты сказала сыну обо мне?» – с притворным спокойствием спросил он. Алан всегда был спокоен перед тем, как неожиданно взорваться. Не стоило его раздражать.

«Ничего,» – пожала плечами Катя.

«Почему он меня не знает?»

«Потому что ему было два года, когда ты исчез. Что он мог запомнить в таком возрасте?» – спокойно пояснила Катя.

В глазах у Алана были гнев и недоверие. Опасное сочетание. Ну и пусть. Все равно. Отболело.

«Я буду приходить к сыну,» – поставил он в известность девушку.

Эта идея Кате совсем не понравилась. Но ведь он – отец Русланчика. Разве она может запретить им видеться? Да и что она может противопоставить Алану? Если он хочет видеть сына, то ничего с этим Катя поделать не может. А рука у Алана тяжелая, уж это она помнила хорошо.

Хотя сердце у Кати трепетало, как птичка в клетке, следующие два месяца прошли спокойно. Алан приходил обычно по выходным, дарил Русланчика игрушками, устраивал шутиливую борьбу на ковре, учил его словам родного аварского языка. Алан был выходцем из Дагестана. Руслан радостно повисал у него на шее каждый раз и называл папой.

Уколы обиды и ревности жалили Катю, как дикие пчелы. Завалить ребенка дорогими игрушками много ума не надо. А где он был, когда у Русланчика резались зубки, или случился отит и температура поднялась выше 39 градусов, или когда он с огромным трудом привыкал к детскому садику, вцепляясь в маму каждое утро мертвой хваткой? У Кати тогда сердце разрывалось на части и выйдя за дверь, она рыдала навзрыд, будто бросала ребенка в пасть дикому

зверю, а не оставляла в уютной группе среди сверстников. Дома, конечно, лучше. Кто же спорит? Но после исчезновения Алана жить было совсем не на что, и Катя вышла на работу. О том, чтобы вернуться в институт она уже и не помышляла.

«Папа? Какой он, к черту, папа? Исчез на три года с концами и ни разу не поинтересовался сыном. О себе я уж молчу. А теперь появился и пускает пыль в глаза,» – сердито думала девушка, но благоразумно держала свои мысли при себе. Денег на продукты Алан тоже давал, поэтому режим строгой экономии временно можно было отменить.

А так хорошо все начиналось. Словно было это в другой жизни. Она – девятнадцатилетняя студентка-первокурсница: глупая, наивная, красивая. Если бы сейчас Катя могла вернуться назад, то сказала бы той юной дурочке: «Не связывайся с ним. Ни за что на свете не связывайся. Вокруг полно других парней. Не кавказцев.» Но тогда ей ужасно льстило внимание брутального, черноглазого красавца с трехдневной щетиной, дорогой машиной и широкими жемами. Даже новость о беременности, от которой парни обычно бегут, как от огня, Алана не опечалила. «Роди мне сына, озолочу,» – сказал он тогда. И Катя родила. Хорошо, хоть первый курс закончить успела. Потом пришлось взять академический отпуск. Алан радостное событие отмечал с друзьями чуть ли не месяц, постоянно отсылал кому-то фото новорожденного сына и весело трепался по телефону по-своему, по-аварски.

Катя в празднованиях не участвовала, она сидела с ребенком. Жила она, как и раньше, в бабушкиной однушке. Только теперь с малышом. Алан приходил и уходил, когда вздумается. Больше не было ночных гулянок, танцев и купаний голышом, только кормления, купания, прогулки и бесконечный ор. Жизнь настолько изменилась, что Катя чувствовала себя так, будто к её ногам привязали тяжеленные гири, а она все пытается взлететь и не может.

Катя всегда была фантазеркой. Грезил о прекрасном принце, роскошном свадебном платье, неземной красоте и прочих глупостях, вполне позволительных для барышни её возраста. Однако, в реальности с фантазиями происходило что-то странное. Принц, конечно, есть, но какой-то не такой, платья и вовсе не случилось и, наверное, уже не будет, а каждая бессонная ночь будто ластиком стирала с её лица часть красоты. Оно становилось все бледнее и невыразительнее. Единственной отдушиной оставались книги, а единственной возможностью их почитать – прогулки с Русланом, когда, усаживаясь на скамейку Катя одной рукой качала коляску, а другой держала перед глазами книгу.

Читая книгу, девушка будто смотрела фильм, снятый в своем воображении. Она в деталях представляла каждого героя, как реального человека, а не картинку: завиток взмокших волос на шее, запах пота, шершавость ладоней и каждую сцену: тихий плеск воды за бортом лодки, запах мокрого дерева и озерной травы, поскрипывание уключин, неудобство узкой скамьи. Катино богатое воображение моментально рисовало любую картину, описанную в книге, дополняя ее выдуманными деталями, на которые автору не хватило фантазии. Может быть поэтому и читать она любила с детства? Для Кати каждая книга была чудесным приключением, которого она ждала с замиранием сердца. Люди, обделенные воображением, лишены этого удовольствия. Книги вызывают у них, страшно сказать, скуку. Катя такой ущербности очень сочувствовала. Видимо, богатое воображение было сродни музыкальному слуху. Оно или есть, или нет. С ним нужно просто родиться.

Впервые Алан поднял на неё руку, когда спустя пару месяцев после родов Катя упрекнула его в том, что он совсем не помогает ей с ребенком. Ссора тогда вышла безобразной. Катя была измучена постоянным недосыпом, усталостью, плаксивостью малыша. Она не успевала не то что приготовить горячий ужин, в отсутствии которого упрекнул её Алан, называя плохой женой и хозяйкой, но даже голову помыть. Ужина у Кати не было, хорошей женой и хозяйкой она стать уже не хотела, хотела только спать. Слово за слово, и вот она уже сорвалась на крик. Удар выкинул Катю из крохотной пятиметровой кухоньки в коридор. Она ударилась спиной о стену и сползла вниз. Алан молча перешагнул через неё – ошеломленную и растянувшуюся на

полу и вышел прочь. После этого происшествия он не показывался две недели. А Катя теперь уже и не знала: скучает она или боится? Но когда Алан исчез, вздохнула с облегчением.

И вот опять.

В эту субботу Русланчику исполнялось шесть лет. Алан заранее предупредил, что намеревается устроить сыну праздник: парк аттракционов, поход в кино и прочее. Катю с собой не приглашали. Она заранее сложила в ушастый Русланчиков рюкзачок в форме медвежьей мордочки ветровку (вдруг станет прохладно), пачку влажных салфеток (всегда пригодятся вытереть грязные руки), поколебавшись, сунула туда же коробочку сока с трубочкой и банан (дети все время что-то хомячат) и помахала сыну, самостоятельно спустившемуся во двор, где его ждал отец, с балкона. Руслан сел в машину, дверца захлопнулась, «Infiniti» медленно проползла по двору вдоль подъездов и свернула за угол.

Больше сына Катя не видела.

И ведь не было у неё в тот день никакого плохого предчувствия. Просто грустила, что день рождения сын проводит без неё. Чтобы не киснуть, Катя занялась уборкой, стиркой, закрутила десять банок огурцов на зиму и только к десяти часам вечера начала волноваться. Схватив телефон, она обнаружила там СМС-сообщение от Алана: «Талак. Талак. Талак.» Что за чушь? До полуночи Катя успела раз тридцать набрать номер Алана, слыша одни и те же длинные гудки. Трубку не брали.

Следующие дни были одним бесконечным кошмаром. В полиции Кате сказали: «Гражданка, если ребенок уехал с отцом, то это не похищение. Он такой же родитель, как и Вы. О каком розыске может идти речь? Ваш муж не совершил никакого преступления. Может быть, он просто взял мальчика в отпуск. Отдохнут и вернутся.»

Друзья Алана, номера телефонов которых остались у Кати с давних пор совместных гулянок, делали вид, что не узнают её или бросали трубку и не отвечали на дальнейшие звонки. Но одного из них – Магомеда, Кате удалось подкараулить у дверей съемной квартиры. Опасаясь, что бывшая «на взводе» подружка Алана устроит грандиозный скандал, он весьма неохотно, но кое-что все же прояснил.

«Талак – это значит развод. Если муж сказал тебе это три раза, значит он с тобой развелся.»

«Да мы и женаты то официально не были,» – устало возразила Катя. – «Развод по СМС? Что за бред?»

«Были, не были, неважно. Теперь Вы точно разведены.»

«Зачем ему Руслан?»

«По-нашему обычаю после развода ребенок воспитывается в семье отца.»

«А я?»

«А что ты? Ты больше не нужна. Мальчик уже большой. О нем теперь позаботится отец и его родня. Вырастет настоящим мужчиной,» – пояснил Магомед.

Катя смотрела на него в ужасе. Теперь появилась хоть какая-то определенность, но столь чудовищная, что думать о ней было совершенно невозможно.

«Куда он увез Руслана?»

«Не знаю,» – отмахнулся Магомед, сочтя неприятный разговор законченным.

«Знаешь. Конечно, знаешь. И я не уйду отсюда, пока ты мне этого не скажешь. Я буду жить на этой лестнице, срать под твоей дверью и говорить каждому вошедшему в подъезд, что ты маньяк и педофил. Я разобью твою машину внизу на мелкие кусочки: каждую фару, каждое окно, порежу колеса и расцарапаю гвоздем все поверхности, до которых дотянусь,» – холодная ярость бушевала в Катином голосе.

Последний аргумент показался Магомеду, видимо, достаточно убедительным. А какой мужчина смог бы хладнокровно слушать о зверствах, уготованных его драгоценной машине?

«Чертова сука,» – сплюнул Магомед. – «Домой увез. В Хасавюрт.»

Это была первая маленькая победа Кати на пути к сыну. За следующие два года их было еще много: решения судов разных инстанций об определении места жительства ребенка с матерью. Но они никак не приближали её к сыну. Многочисленные отписки из службы судебных приставов гласили, что фактическое местонахождение ребенка не установлено. Родня Алана в Хасавюрте утверждала, что он взял мальчика и уехал в неизвестном направлении. Хотя, на самом деле, ребенка, наверняка, просто перепрятывали в разных домах. Это была какая-то бездонная черная пропасть отчаяния и безнадежности, в которую Катя падала все глубже и глубже.

Уже в Хасавюрте она выяснила, что женщин, попавших в такую же ситуацию, как она, в кавказских республиках множество. Это было какое-то отдельное государство в государстве. Неважно, что российские суды решали дела в пользу матерей. Здесь все решали так называемые традиции. После развода дети воспитываются в семье отца. И точка. Даже если отец умрет, родня мужа никогда не отдаст ребенка матери. Поэтому тысячи женщин вынуждены терпеть мужей-тиранов и домашнее насилие, лишь бы оставаться с детьми, подавая на развод лишь в самых крайних случаях.

Российское законодательство? Нет, не слышали. Ведь у нас есть «традиции», ломающие судьбы женщинам и калечащие психику наших детей, остающихся сиротами при живых матерях. Как возможно такое средневековое варварство в современном цивилизованном государстве? Ведь это происходит в России, а не в Афганистане, Пакистане или Саудовской Аравии.

От службы судебных приставов толку не было никакого. Ведь её сотрудники тоже были местными жителями и варились в котле «традиций». Адвокат, неохотно взявшийся за заведомо проигрышное фактически (и так же заведомо выигрышное юридически) дело без энтузиазма добросовестно сделал все, что от него требовалось, заранее уверенный в результате. Самым ценным, что получила от него Катя, был совет: «Екатерина Сергеевна, Вы не думали о том, чтобы выкупить ребенка?»

«Как это выкупить?» – оторопела Катя.

«За деньги, разумеется. Так многие делают.»

«И почему же здесь дети?» – цинично поинтересовалась Катя.

«Как договоритесь,» – увильнул от прямого ответа адвокат. – «Все индивидуально. Не нужно цинизма, Екатерина Сергеевна. Таковы реалии жизни. Можно договориться в обмен на недвижимость. Конечно, было бы гораздо проще, если бы у Вас была девочка. У Вашего мужа есть другие дети?»

«Кажется, нет.»

«Если Руслан его единственный сын, то тогда вряд ли удастся договориться.»

И уже перед самым отъездом, возможно сжалившись над наивной русской простушкой, приехавшей искать правды в судах, сообщил: «Я слышал, он и правда уехал, около полугода назад. Женился здесь на аварке и уехал обратно, в Ваш город. У него там бизнес и новая семья. Адреса я не знаю. Но ведь мальчик уже должен ходить в школу, если я не ошибаюсь?» И многозначительно посмотрел на Катю.

Этот наблюдательный пункт на остановке общественного транспорта Катя облюбовала еще в семь утра. Был час пик, люди ехали на работу и на остановке долго не задерживались. Поэтому Катя в глаза не бросалась. Здание школы располагалось прямо позади остановки, обращенное центральным входом к дороге. Занятия начинались в половине девятого.

Катя дрожала от возбуждения. Заснуть прошлой ночью она так и не смогла. Сейчас же боялась проглядеть сына в толпе ребят и боялась его не узнать. Но больше всего боялась не сдержаться и броситься к Руслану. Тогда Алан снова его спрячет, а этого она не переживет, не сможет пройти через этот кошмар еще раз.

Русланчика Катя узнала мгновенно и дернулась, будто от удара электрическим током. Он был таким маленьким, понурым, в черной курточке с капюшоном и с непомерно огромным рюкзаком за спиной. В школу его сопровождала девушка лет восемнадцати: в длинной юбке, с покрытой платком головой, сильно беременная. Видимо, это и есть новая, «правильная» жена Алана. Катя посочувствовала бы ей, но все мысли и чувства её сейчас были прикованы к сыну.

Девушка довела мальчика до крыльца, подождала, пока он вошел в непрерывно хлопающие двери и повернула обратно. Катя опустила глаза, чтобы ничем не выдать своего волнения, разминулась с девушкой и буквально влетела в здание школы.

Школа походила на муравейник. Полторы сотни детей одновременно гомонили у раздевалок, переобуваясь в сменную обувь. Господи, как же она его здесь найдет?

«Руслан, Русланчик,» – закричала она. Несколько десятков пар глаз обернулись и с любопытством уставились на неё. В том числе и его глаза: испуганные, тревожные, недоверчивые.

«Мама?»

Катя схватила сына в охапку, вздыхая родной запах. Слезы текли из глаз, словно Ниагарский водопад. Она почти перестала соображать, но главное помнила – надо бежать, пока их не застал Алан.

«Пойдем, пойдем скорее,» – Катя неслась на остановку, таща за руку Русланчика и ежесекундно в панике оглядываясь. – «Кто последний до остановки, тот грязный червяк.» Только забившись в первую же подошедшую маршрутку и прижав к себе сына, она смогла перевести дух.

Маршрутка шустро катила по улице, ловко лавируя между неповоротливыми троллейбусами и автобусами. Было в ней на удивление пусто. Кроме водителя – уроженца одного из среднеазиатских государств, яростно ругающегося с кем-то по телефону на неизвестном языке, только щуплый молодой человек с большой спортивной сумкой, да солидный мужчина с еще более безумным взглядом, чем у Кати.

«Господи, исчезнуть бы сейчас. Провалиться сквозь землю, чтобы нас никогда не нашли.»

Бойся своих желаний.

Маршрутка вильнула вильнула за угол, накренившись, будто морское судно во время шторма, и воткнулась в безнадежную пробку. Тянулась она по прямой, как стрела, улице через два следующих светофора, а на третьем раздваивалась, словно змеиный язык. Водитель, перестав для разнообразия трепаться по телефону, решил эту проблему привычным способом, которым пользовался каждое утро. Повертевшись, как уж на сковородке, следующие десять минут, за которые машина проползла от силы пятьдесят метров, он свернул во двор ближайшей многоэтажки, намереваясь проскочить проблемный участок дороги по сквозным дворам.

Ежеутренне таких умников находилось столь изрядное количество, что дворы превращались в еще одну полосу движения. Выходя из подъездов, жители злосчастных домов упирались в сплошную движущуюся ленту автомобилей, нервно сигналиющих и рычащих, не дающих жильцам возможности высунуть нос из дома.

Борьба жильцов многоэтажек с ушлыми автомобилистами носила затяжной характер и включала в себя утренние пикеты у подъездов с детскими колясками, перегораживающими проезд, вызовы нарядов полиции, взаимные ругань и оскорбления с водителями. Апофеоза противостояние достигло сегодня утром, когда водители-торопыги, беспрепятственно проскочив мимо двух домов, уперлись в бетонный блок, перегораживающий путь к третьему. Обехать его не было никакой возможности, сдать назад тоже, ведь там напирала автомобили других ловкачей.

Оказавшись в ловушке, водители на все лады материли предприимчивых жильцов, злобно похихикивающих на балконах, глядя на устроенную ими «Содом и Гоморру» в отдельно взятом дворе. У импульсивного водителя маршрутки – непризнанного таланта по части лицедейства, ситуация вызвала бурную тираду с хватанием за голову (час пик – самые заработки, а он безнадежно застрял), демонстративными пинками по бетонному блоку и телефонными переговорами с таинственными абонентами трагическим голосом. Все эти театральные действия никоим образом не могли сдвинуть с места бетонный блок.

А потому горячий среднеазиатский парень, маневрируя, словно сам дьявол, взгромоздил на бордюр сначала одно переднее колесо ГАЗели, потом другое. И, в конце концов, вырулил прямо на клумбу с подмороженными, пожухлыми астрами, снес взметнувшуюся в воздух кучу старательно собранных дворником опавших листьев и погнал свою «убитую» машину прямо по двору, лавируя между качелями, скамейками и почти голыми деревьями. Пассажиры его проявляли редкостный пофигизм, занятые каждый своими мыслями. Маневр удался. Намотав на колеса кучи земли вперемешку с мокрыми листьями, маршрутка выскочила со двора и, свернув за угол дома, на полном ходу влетела носом в яму, раскопанную шустрými коммунальщиками накануне днем. Пара дорожных конусов ничем не смогла помешать ей сверзиться вниз.

ГАЗель оторвалась всеми четырьмя колесами от земли и, взлетев словно птица, стала падать в яму, по дну которой тянулись длинные трубы. Ошалевший водитель бросил смартфон и изо всех сил вцепился в руль побелевшими костяшками пальцев. В полном ужасе он давил педаль тормоза и тонко визжал. Пассажиры неудержимо начали валиться вперед, словно кегли после удачного броска шара в боулинге. Кейс с документами вылетел из рук Эдуарда Петровича и острым углом стукнул водителя по затылку. Тот обмяк и, в свою очередь, ткнулся лицом в руль неуправляемой машины. Кейс же влетел в лобовое стекло, вмиг покрывшееся сеточкой трещин, подпрыгнул и упал на него вновь. Стекло разлетелось стайкой сияющих осколков и кейс вывалился из автомобиля, исчезнув в тумане.

Клубящийся туман вмиг заполнил ГАЗель будто вата, ослепил, оглушил, но от удара не спас. Машина ударилась носом, смяв его, словно бумажный стаканчик, металлический скрежет больно резанул по ушам. Водитель вылетел через разбитое лобовое стекло и исчез в сия-

ющем тумане. Пассажиры сгрудились бесформенной кучей в районе передних сидений, охая, крича и стона. Бухнувшись на все четыре колеса, маршрутка, наконец, остановилась, осыпав их битым стеклом, будто конфетти. Туман потихоньку начал рассеиваться, открывая уныло-безжизненный пейзаж.

Замерев на несколько мгновений в ожидании новых ударов, клубок человеческих тел начал распутываться.

«Мама, мама, мама,» – монотонно выл Руслан, тряся безвольно шатающуюся Катину голову. Эдуард Петрович, пятясь назад, пытался вынуть свою голову из-под сиденья. Утробно мяукающая спортивная сумка свалилась с его спины и скатилась на ступеньки. Придавленный Катиным телом Никита осторожно выбрался и сел на пол, тряся головой, словно больная собака. Кровь стекала у него по виску, капая на воротник, осколки стекла вонзились в голень, пришив к джинсам к ноге не хуже портновских булавок. Штаны уже побурели от крови, но боли Никита еще не чувствовал. Эдуард Петрович, между тем, сумел даже подняться и сесть на сиденье. Был он бос, с наливающимся на скуле грандиозным синяком, в руке сжимал мокрую кожаную туфлю. Его дорогое черное пальто разошлось по шву на спине и теперь напоминало скорее крылья большого черного жука. «Черный плащ спешит на помощь,» – не к месту вспомнил девиз героя из диснеевского мультфильма Никита.

«Вы, это, понимаете, она живая или как?» – обратился он с вопросом к Эдуарду Петровичу. Тот непонимающе посмотрел на молодого человека, словно тот говорил по меньшей мере на китайском языке, потом надел туфлю и пошарил в нагрудном кармане в поисках очков. Их там предсказуемо не оказалось. Эдуард Петрович опустил на колени и попытался нащупать пульс на шее девушки. Нашел и утвердительно кивнул Никите. Переставший подвывать во время этих манипуляций Руслан с надеждой смотрел на взрослых.

«Твоя мама?» – спросил почти пришедший в себя Эдуард Петрович. – «Она жива, просто без сознания. Скоро придет в себя.» Видимых серьезных повреждений: торчащих сломанных костей, рваных ран и прочего, на Кате действительно не было.

«Надо выбираться отсюда,» – оглядывая покореженную маршрутку вслух размышлял Эдуард Петрович. Но попытки открыть дверь для пассажиров ни к чему не привели, её заклинило намертво. В покореженной машине не осталось ни одного прямого угла. Смятый гармошкой капот торчал вверх, закрывая обзор, кабина сложилась так, что между приборной панелью и сиденьем могла втиснуться разве что кошка. Оставалась дверь в конце салона. Она распахнулась уже после третьего удара, и Эдуард Петрович вывалился в серую пыль, пребольно ударившись плечом. Дверь он вышибал впервые в жизни и действовал, руководствуясь голливудскими фильмами, в которых герои справлялись с этой задачей одним ударом ноги и, не замедляя ход ни на минуту, продолжали крошить врагов в капусту. Эдуарду Петровичу потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и залезть обратно в салон машины. К тому времени очнулась Катя.

Кате казалось, что голова у неё треснула и развалилась пополам, будто спелый арбуз. Болела она нестерпимо, перед глазами плавали черные точки, то разбегаясь по сторонам, словно тараканы на свету, то сливаясь в одну большую тень. И тогда Катя вообще ничего не видела. Впрочем, глаза лучше было не открывать, иначе головокружение становилось таким сильным, будто она летела на «американских горках» да еще и вниз головой. Катя никак не могла вдохнуть полной грудью, справа под ребро словно загнали железный гвоздь, и он вонзался все глубже и глубже при каждом вдохе. Только голос Русланчика не позволял ей снова отключиться.

Мужчины вытащили Катю из маршрутки на руках и уложили на землю поодаль.

«Водитель. Блин, мы забыли про водителя,» – спохватился юноша, когда Катя была устроена поудобнее подале от машины. Эдуард небезосновательно полагал, что она может взорваться. Мужчины бросились к машине, огибая её по дуге, но кроме битого стекла перед

автомобилем не оказалось ничего и никого. Куда он мог деться? Ведь они оба ясно видели, как водитель вылетел в разбитое лобовое стекло. Мужчины растерянно огляделись по сторонам.

«А где это мы?» – дошло, наконец, до Никиты. – «Блин, че это? Не понял. Мы где?»

Эдуард Петрович, успевший в силу возраста получить школьное образование в Советском Союзе и морщившийся от убогости Никиткиного лексикона, избыточными словами-паразитами, как от запаха свежей, тепленькой еще, навозной кучи, озадачился этим вопросом гораздо раньше.

Во все стороны, куда не погляди, разбегались невысокие, округло-пологие холмы, кое-где поросшие серебристо-серой травой. И ни намек на многоэтажные муравейники, путепроводы, торговые центры, забитые автомобилями дороги и прочие признаки цивилизации. Более того, на гори зонте не торчало ни одной вышки сотовой связи или опоры высоковольтной линии электропередач. А главное, вокруг стояла совершенно невообразимая для городского человека тишина: оглушающая, гнетущая, всеобъемлющая. Эдуард Петрович быстро ощупал карманы пальто и делового костюма. Пусто.

«У тебя телефон есть?» – спросил он у юноши. – «Как тебя зовут кстати?»

«А? Никита. Есть,» – ответил тот, выуживая из застегнутого на молнию кармана куртки новенький, подаренный мамой в честь окончания школы, смартфон. – «О, даже не разбился.»

«Дай сюда,» – в нетерпении отобрал у него игрушку одной рукой Эдуард Петрович, одновременно протягивая вторую для знакомства. – «Эдуард Петрович.»

Сети не было.

«Так я и думал.»

В этот момент из разбитой маршрутки донеслось жалобное «мяу».

«Блин, кот,» – спохватился Никита и ринулся к машине. Он выволок из салона спортивную сумку и расстегнул молнию. Очумевший от выпавших на его долю передрыг, Моня выскочил из неё быстрее, чем пробка вылетает из бутылки шампанского, и припустил куда-то в сторону со всей скоростью, на которую был способен.

«Стой. Кис-кис-кис,» – бросился было за ним Никита. Вы когда-нибудь пробовали поймать кота, удирающего от Вас со всех ног? Дело заведомо безнадежное. Вот и Никита не смог. Кот вильнул серым хвостом и скрылся в серебристой траве.

Эдуард Петрович, с сомнением оглядел покореженную маршрутку: рванет, не рванет? Вроде не должна. Если бы хотела, то уже рванула. Он решительно забрался в салон и стал шарить там в поисках своих очков, и даже нашел тускло поблескивавшую золотом оправу. Но, увы, стекол в ней не было. Зато нашелся смартфон: покрытый сетью трещин и безжизненный, как дохлая рыба. Прихватив школьный рюкзак мальчика (кирпичи он там носит, что ли?) и вместительную женскую сумку, Эдуард выбрался наружу.

Сложив вещи рядом с все ещё лежащей на земле Катей, мужчины присели рядом.

«Вам, это, лучше?» – спросил Никита.

«Да. Да, спасибо. Только голова кружится и подташнивает. А так все хорошо,» – через силу улыбнулась Катя. – «Спасибо, что вытащили нас. Мы ведь попали в аварию? Я не помню. Мы выехали из города?»

«Вы лежите, не волнуйтесь,» – успокоил её Эдуард Петрович. – «Вас как зовут?»

«Я Катя, а это Руслан – мой сын.»

«Очень приятно, Катя. Я Эдуард Петрович, а это Никита. Мы и правда попали в аварию. Вы с сыном оставайтесь здесь, а мы осмотримся, поищем место, где есть сеть, чтобы вызвать скорую помощь,» – решил он.

Посоветовавшись, мужчины разбрелись в разные стороны. Осмотрев местность метров на 500 в каждую сторону, они не обнаружили ничего. То есть, вообще ничего: ни дорог, ни строений, ни заборов, ни даже какого-нибудь мусора: фантиков, смятых пластиковых стаканчиков,

раздавленных жестянок из-под пива – верного признака близкого присутствия человека. Сети тоже не было.

Эдуард Петрович, в отличие от безалаберного Никитки, этим обстоятельством был обескуражен и встревожен. Какого черта происходит? Где они? Как могли попасть сюда после аварии? И трава эта какая-то странная. Вид у неё был какой-то искусственный, как у цветов на кладбище. Он в жизни не видел такой травы. Мало того, что она серебристо-серая, а не зеленая, так кроме неё здесь ничего не растет. Разве такое может быть, чтобы на большой территории, которую они осмотрели, в средней полосе России росла только сизая трава и ничего больше? А где же березы, осины, всякие там яблони и самая обычная зеленая трава? У Эдуарда Петровича по спине пробежал холодок.

Когда он вернулся, Никита уже сидел рядом с Катей и, задрав штанину, выковыривал из ноги осколки стекла. Катя заботливо вытирала влажной салфеткой кровь у него на виске.

«Вам удалось найти сеть?» – встретила она вопросом Эдуарда.

«Нет, к сожалению.»

«Ну что ж, значит пока будем обходиться своими силами. Эдуард Петрович, Вы не могли бы поискать в машине аптечку? Ведь там обязательно должна быть аптечка?» – попросила она.

«Конечно, конечно,» – охотно согласился тот, недоумевая, как он сам не сообразил. Чтобы достать из разбитой машины аптечку, пришлось изрядно попотеть. Серая пластиковая коробочка с красным крестом пряталась под передними пассажирскими сиденьями. Содержимое её Катю (которая машину не водила и была несведуща в этих вопросах) сильно удивило. Там не оказалось даже болеутоляющих средств, только большое количество бинтов и лейкопластырей. Они, конечно,годились. Ведь из посеченной осколками стекла Никитиной ноги продолжала сочиться кровь. Но, по Катиному разумению, в аптечке непременно должны были быть сердечные препараты, обезболивающие и средства от диареи, в конце концов.

Все нужное нашлось, разумеется, в женской сумке. Женская сумка на каждый день (не тот малюсенький ридикюльчик, с которым девушки ходят на свидания и куда едва помещаются телефон, кошелек и ключи от дома) предмет поистине уникальный. Для своей хозяйки она одновременно является и кейсом с документами, и аптечкой, и салоном красоты, и многим прочим. Катина черная, псевдокожаная сумка на длинной ручке не была исключением. В ней с легкостью помещалась уйма совершенно необходимых предметов: лекарства (от головной боли, температуры, диареи), упаковка тампонов (неприятности любят преподносить сюрпризы), носовой платок, пачка влажных салфеток, блокнот и пара ручек, бахилы в круглой пластмассовой коробочке, пакет (на всякий случай, сумка и сама была весьма вместительной), горсть леденцов на дне, гигиеническая помада, маленькое круглое зеркальце с золотыми бабочками на крышке, массажная щетка для волос, бактерицидный лейкопластырь, зонт и прочее. А что, у кого-то меньше?

«Как солнышко припекает,» – Катя стянула с Руслана куртку и растегнула свою.

«Ага, я тоже взмок пока по холмам лазил,» – охотно подтвердил Никита. – «Водички бы.»

«Точно, но у нас нет. Даже анальгин пришлось просто так прожевать. Гадость жуткая,» – посмеялась над собой Катя.

«Ну Вы даете, я без воды не смог бы. Даже сироп от кашля всегда в детстве водой запивал,» – развил тему Никита.

«Вы, что, ополоумели? Какая вода, какой сироп, какое детство?» – взорвался вдруг Эдуард Петрович. – «Вы, что, не понимаете? Мы же вообще неизвестно где. Здесь ничего нет, людей нет. Как мы здесь оказались? Может, мы умерли в этой аварии? Может, мы на том свете. А Вы ...»

Внезапно нахлынувшая ярость прорвалась, как гнойный нарыв и отступила. Эдуард Петрович бессильно опустился на землю, закрыв лицо руками. Катя смотрела на него с жало-

стью, но сказать ничего не могла. Ведь она точно знала где они находятся. Провалились сквозь землю, чтобы их никто, никогда не нашел. Как она того и желала.

О дивный новый мир!

С момента крушения летающей маршрутки прошло более четырех часов, когда Эдуард Петрович озвучил мысль, витающую в воздухе: «Надо куда-нибудь идти. Нет смысла сидеть на месте.»

«А куда?» – с детской непосредственностью отреагировал Никита.

«Хороший вопрос. Вперед, назад, налево, направо – куда тебе больше нравится,» усмехнулся Эдуард Петрович.

«Пойдемте вперед, куда маршрутка ехала, т.е. падала,» – пожала плечами Катя. – «Все равно везде одно и то же.»

Сложив ставшие ненужными куртки в пустую спортивную сумку Никиты, потихоньку двинулись. Эдуард Петрович свое разорванное пальто презрительно выбросил. Экономя силы, холмы обходили, взбираясь на них лишь изредка, чтобы посмотреть не видно ли на горизонте признаков цивилизации. Но по прошествии нескольких часов пейзаж ничуть не изменился. Серая земля, да и не земля вовсе, а слежавшаяся пыль, легкая и невесомая, будто мука, в которой ноги утопали на несколько сантиметров, покрывала все вокруг и сохраняла цепочку следов путешественников.

«Если поднимется ветер, то от этой пыли будет не продохнуть. И укрыться негде,» – размышлял Эдуард.

К счастью ветра не было. Совсем. Сизая трава с длинными узкими листьями росла прямо в пыли. Из розеток раскинувшихся листьев кое-где торчали вверх полуметровые побеги с чем-то, сильно смахивающим на ягоды. По виду они напоминали гигантские ландыши или, скорее, гладиолусы. Ягоды внизу побега были темно-фиолетовыми, круглыми, блестящими, но чем выше, тем они становились мельче и бледнее. Через несколько часов пути все посматривали на них с нескрываемым интересом.

«Может они съедобные? Давайте попробуем,» – первым не выдержал Никита.

«Вы с ума сошли? Ни в коем случае,» – хором воскликнули Катя и Эдуард Петрович.

«Вот только отравления нам сейчас не хватало,» – добавила Катя. – «Как Вы думаете, который уже час?»

«Половина седьмого,» – бросил взгляд на запястье Эдуард Петрович. Часы современного делового человека – вещь стильная, солидная, без капли пижонства (он же не репер какой-нибудь лохматый) и максимально дорогая выполняли для него ту же функцию, что кольцо в носу или татуировки на теле первобытного дикаря, т.е. показывали статус владельца. По прямому назначению эту дорогую игрушку Эдуард Петрович использовал крайне редко. Зачем? Ведь есть смартфон.

«Значит скоро стемнеет, может быть пора устроиться на ... ночлег?» – робко предложила Катя.

«Конечно, сударыня. Какой холм предпочитаете: справа или слева?» – язвительный тон свидетельствовал о крайней степени раздражения. Это было понятно, все устали, проголодались и хотели пить.

«Пусть будет справа,» – миролюбиво определилась Катя. Так и порешили. Сизая трава оказалась жесткой, её вытянутые, сухие листья ломались с громким хрустом, будто картофельные чипсы, но, разложив поверх неё куртки, можно было устроиться с комфортом. Руслан уснул почти сразу, даже во сне крепко сжимая мамину руку. Мужчины тоже вскоре засопели. Она же долго размышляла, лежа на спине и уставясь в низкое небо. Они сбежали от Алана. Здесь он их не найдет. В этом Катя была абсолютно уверена. А потому счастлива и спокойна, как ни странно это было в сложившихся обстоятельствах. Она гладила Русланчика по голове и тихо улыбалась своим мыслям.

Низкие, плотные облака неподвижно висели в небе, как бывает при затяжных, осенних дождях. Солнца видно не было, но из-за них пробивался розоватый свет, создавая впечатление раннего вечера. Не яркие, светящиеся столбы, как бывает, когда солнечный лучи вдруг находят прореху в, казалось бы, непроницаемой пелене облаков, а скорее равномерное сияние, но блеклое и тусклое, словно от малосильной лампочки в большом помещении. Темнота так и не наступила.

Никита открыл глаза оттого, что хотел жрать. Не кушать, что в его понимании означало не спеша, жеманно и церемонно отрезать малюсенькие кусочки мяса, используя один из полудюжины комплектов ножей и вилок, окружающих тарелку, с заложенной за воротник белоснежной салфеткой. Короче, как в старом кино про Шерлока Холмса. И не есть – это когда мама накладывает полную тарелку зажаренных до хрустящей корочки куриных окорочков, горку дымящейся картошки и дополняет все это парочкой соленых огурцов. А именно жрать, как с жадностью пожирал он пиццу, картошку-фри, биг-маки, лапшу быстрого приготовления и прочую снедь, с тех пор, как стал жить один в общежитии. Казалось, чем больше её ешь, тем больше хочется. Сейчас жрать хотелось нестерпимо.

Воровато оглядевшись (все спят – порядок), он шустро потрусил за ближайший холм вроде как отлить (хотя это тоже было неотложным делом), но на самом деле оборвал нижние, темно-фиолетовые ягоды с одного из побегов и после минутного замешательства торопливо сунул их в рот. Блаженства не случилось, вкусными ягоды не были, но и противными тоже. Не кислые, не сладкие, не горькие – никакие, будто сырок кабачок грызешь, но по крайней мере сочные. А именно пить и хотелось больше всего.

«Ты что, совсем сдурел? Выплюнь немедленно, болван,» – в гневе Эдуард Петрович выражений не выбирал. – «Два пальца в рот, быстро. Чего ждешь? Сдохнуть хочешь?»

Никита послушно исполнил требуемое. Кроме злополучных ягод в желудке не оказалось ничего.

«Сколько тебе лет? Как можно быть таким идиотом?» – продолжал сыпать риторическими вопросами мужчина. Прибежавшая на шум Катя лишь укоризненно покачала головой.

«Как бы то ни было, скоро мы точно узнаем, ядовиты ли ягоды,» – неожиданно спокойно подытожил он. После чего подопытный кролик Никита разом повеселел. Эксперимент начался. Поскольку завтракать было нечем, впрочем, как и умываться, то путешественники вскоре отправились дальше. Сегодня идти было сложнее, жажда мучила всех без исключения. Катя пыталась разжевать очередную таблетку анальгина, она полагала, что у неё сломано ребро или несколько, поэтому так тяжело было вдохнуть. У неё на плече висел школьный рюкзак Руслана, тяжелевший с каждым часом, будто наливающийся не по дням, а по часам соком арбуз.

«Давайте-ка его мне,» – в какой-то момент перехватил лямку Эдуард Петрович. Катя облегченно выдохнула и благодарно улыбнулась.

«И что у тебя тут, парень, кирпичи?» – шутливо обратился он к Руслану. – «В каком ты классе?»

Руслан шутки не понял и совершенно серьезно принялся объяснять, что у него должно было быть шесть уроков. Поэтому помимо учебников и рабочих тетрадей по русскому языку, математике, литературе и окружающему миру в под завязку набитом рюкзаке лежал увесистый мешок со спортивной формой и принадлежности для урока рисования. Кроме всей этой тяжести за спиной у мальчишки болтался мешок со сменной обувью. Весило это снаряжение ученика начальной школы навскидку никак не меньше шести-семи килограмм. Мыслимо ли, что щуплый пацан ростом по пояс Эдуарду Петровичу полдня таскает на плечах такую тяжесть?

Окружающий пейзаж за несколько часов пути не претерпел никаких изменений. Непроницаемая пелена облаков (или все же тумана?) висела так низко, что, казалось, с вершины холма до неё можно дотянуться рукой. Сизая трава покрывала холмы сплошным ковром. Ни малейшего дуновения ветерка, воздух совершенно неподвижен. Перспектива умереть от

жажды и голода становилась все более реальной. Взобравшись на очередной холм для рекогносцировки и увидев все ту же, словно замершую, картину, расстелили куртки и легли отдохнуть.

«Как самочувствие, недоросль?» – обратился Эдуард к Никите.

«Нормально. Честное слово, нормально. Давайте я еще ягод съем. Я не отравлюсь,» – горячо заверил его парень.

Сощутив глаза, Эдуард Петрович размышлял над заманчивым предложением. Если они не найдут источник воды (а предпосылок к этому не было никаких), то умрут. Ягоды могли бы дать им шанс. Этот болван уже попробовал их и ничего, не умер. «Пусть ест ягоды,» – цинично рассудил Эдуард. – «Если до вечера с ним ничего не случится, то и я буду.» И медленно кивнул Никитке.

Катя дернулась было что-то возразить и уже открыла рот, но прикусила язычок и опустила глаза. Уж лучше поставить этот эксперимент на Никите, чем на себе и собственном сыне. Пока парень, получивший полную индульгенцию, торопливо засовывал в рот пригоршни блестящих ягод, они обменялись с Эдуардом Петровичем такими понимающими взглядами, что Кате стало гадко и противно, будто она нашла таракана в обеденной тарелке. Мыслили они одинаково. «Но я должна позаботиться о Русланчике,» – мысленно успокоила себя Катя. – «Это самое важное. А с Никитой, наверняка, ничего не случится. Если бы ягоды были ядовиты, ему бы давно стало плохо.»

Руслан свернулся калачиком, положив голову ей на колени. Сегодня он еле передвигал ноги, тормозя и так не слишком быстрый поход, и громким шепотом ныл, что хочет пить и кушать. Катя растратила почти весь запас материнского долготерпения, успокаивая его. Что же с сыном будет завтра, если они не найдут еды и воды? О себе Катя не думала. Вспоминая, как счастлива и спокойна она была еще вчера, девушка ужасалась. Трагичность ситуации, в которой они оказались, Катя прочувствовала только сегодня, когда глаза сына стали несчастными, голодными, молящими о чуде. Что могла предложить ему Катя? Только ягоды. Если с Никитой будет все в порядке. А если нет? Отметая тягостные мысли, словно мусор от порога, Катя внимательно наблюдала за Никитой.

Обглодав несколько побегов на вершине холма, где компания расположилась на привал, Никита подался вниз в поисках новых. Катя хотела было остановить его, крикнув, что хватит, он и так много съел. Но сдержалась, не стала. Эксперимент продолжался. И вполне успешно, пока снизу не донесся Никиткин вопль. Катино сердце рухнуло в пропасть. Судя по отчаянному крику, подопытному кролику стало плохо, а это значило, что Русланчик может погибнуть от жажды. Собратья по несчастью лавиной скатились с холма. Однако, против ожидания, Никита был совершенно здоров и даже изумленно-весел.

«Глядите, что я нашел? Блин, да это же крокодил! А здоровый какой,» – радостно встретил их он, оживленно хвастаясь находкой.

А она и впрямь была примечательной. Череп крокодила полтора метров в длину, ощерившийся огромными зубами, лежал в ложбинке между холмами и выглядел устрашающе. Следом за ним протянулась цепочка позвонков, изрядно присыпанная серой пылью и заканчивающаяся где-то метрах в пяти позади головы. Величественный гигант внушал трепет и благоговение даже будучи скелетом.

«Господи, какой он огромный!» – воскликнула Катя. – «Неужели здесь водятся такие чудовища?»

«Не думаю. Это же крокодил. Ему нужна вода, а здесь её нет,» – вслух размышлял Эдуард Петрович. – «Может быть он попал сюда также, как мы? И просто сдох от голода? И произошло это уже давно. Смотрите, как кости занесло землей.»

«Думаете?» – с сомнением спросила Катя. – «И все же он слишком большой. Разве такие крокодилы бывают?»

Эдуард лишь пожал плечами. Ответ был очевиден. Ведь вот они – кости чудовища, у ног. Значит – бывают. Самое примечательное состояло в том, что скелет был абсолютно целым. А значит, здесь не водилось хищников или падальщиков, которые могли бы растащить кости дохлого крокодила по округе. Никита и Руслан, между тем, силясь изо всех сил, пытались приподнять верхнюю челюсть крокодила и разжиться сувениром на память – парой заостренных клыков. Затея не увенчалась успехом. Клыки сидели прочно, будто приклеенные суперклеем и на провокации не поддавались.

Оказалось, это место способно преподносить сюрпризы. И теперь путешественники глядели в оба глаза. Следующий сюрприз не заставил себя долго ждать. Его углядела Катя, с момента обнаружения скелета крокодила особенно боязливо и настороженно посматривающая по сторонам. Одиноким одуванчик торчал среди сизых листьев сухой травы, бесстрашно высушив ярко-желтую головку. Если бы не это, Катя его и вовсе бы не заметила. Мохнатое солнышко на ножке рассматривали скопом, как величайшее чудо. А пошарив в траве по соседству, обнаружили ещё несколько розеток зеленых листьев. Сомнения, которые терзали всех второй день: не стоило ли пойти в другую сторону, отступили. Если появились одуванчики, будет и что-нибудь другое, хорошо знакомое и, возможно, съедобное.

Бесконечный день закончили безудержным обжорством. Наплевав на благоразумие и осторожность, горстями поедали фиолетовые ягоды, набивая урчащие желудки. Катя заворачивала десяток ягод в узелок носового платка и выжимала сок прямо в рот себе и Руслану. Никита, недолго думая, последовал её примеру, используя свою футболку.

Темнота снова не наступила.

Следующее утро (по крайней мере по дорожущим часам Эдуарда Петровича это было именно оно) спутники встретили поодиночке, разбежавшись в разные стороны и активно удобряя местную, бедную питательными веществами, серую почву. Вполне закономерный результат поедания неизвестных ягод (к тому же немых). Голод и жажда, взявшие вчера вверх над здравомыслием, сослужили путникам плохую службу. И если бы не чудесная Катина сумка с лекарствами и на такой вот критический случай, маяться бы им расстройством желудка ещё долго.

Как ни хороши были ягоды, утолявшие голод и жажду, но очень уж безвкусны. Ужасно хотелось чего-нибудь с ярко выраженным вкусом: холодного мяса с хреном, таким ядреным, чтобы слезы навернулись на глаза, тонко нарезанного лимона, посыпанного сахаром, соленого огурца или шоколада. Шоколада хотелось больше всего – горького, с цельным лесным орехом. Такой Катя любила больше всего, предпочитая Ritter Sport. Квадратная упаковка шоколадки – коричневая, блестящая, с россыпью орехов на картинке, – возникла перед глазами так явственно, что Катя даже почувствовала запах шоколада. Неожиданно девушка проняла, что под рукой что-то есть. Пошарив пальцами в пыли, Катя с изумлением ухватила за уголок упаковки от шоколадки и вытащила на свет. С ума сойти! Это была именно она, упаковка от Ritter Sport с цельным лесным орехом. Бывают же такие совпадения! Жаль, что она пустая.

Несмотря на досадное утреннее происшествие, сегодня идти было гораздо легче. Жажда не сушила глотки, голод не рычал в животе диким зверем. Никита и Руслан, не жалея ног, носились по холмам, проверяя каждую ложбинку по пути. Скелеты гигантских крокодилов больше не попадались (живые крокодилы против Катиных опасений тоже). Уже под вечер Руслан прибежал к маме с заговорщицким видом, пряча руки за спиной, и вручил ей цветы.

«Выюнок? Это же выюнок,» – воскликнула Катя, хорошо знакомая не понаслышке с этим сорняком, глядя на бледно-розовые, почти белые цветки в форме колокольчиков. Проводя летние каникулы в деревне у бабушки, она частенько отрабатывала трудовую повинность, выпалывая сорняки на её обширном огороде. Выюнок был вездесущ и неистребим, как комары летним вечером. Тонкие, белые корни, похожие на проволоку, пронизывали землю во всех направлениях. И сколько бы Катя их не вырывала, меньше их не становилось. Уже через неделю

тщательно прополотая грядка ошетикивалась свежими побегами вьюнка и, если промедлить с прополкой, покрывалась сплошным ковром зацветающего сорняка. Ползучий вьюнок душил любое культурное растение, обвиваясь вокруг него, словно змея, и вытеснял с грядки даже другие сорняки. С серебристо-серой местной травой он тоже справлялся: цепляясь и закручиваясь спиралью поднимался вверх по побегам с ягодами, раскидывая зеленые щупальца поверх ломких, сизых листьев. И все же, островок яркой зелени был отрадой для человеческих глаз, уставших от блеклой серости этого места.

«Вам когда-нибудь приходилось пропалывать огород?» – озадачила своих спутников вопросом Катя, устраиваясь на ночлег на вершине холма. – «Здесь растут сорняки: одуванчики и вьюнок. Они очень агрессивные. Если попадут на грядку, то ничем их уже не выведешь. И, главное, неприхотливые. Растут где угодно, даже там, где культурные растения ни за что не приживутся: на обочинах дорог, вытоптанных тропинках, рядом с мусорками. А сорняки вырастут и будут благоденствовать. Возможно, именно поэтому они тут и сумели зацепиться.»

«В этом есть смысл,» – не мог не согласиться Эдуард Петрович.

Ловушка для мух.

Катя проснулась от страшного грохота. Земля содрогнулась, на мгновение исчезла из-под тела так, что девушка буквально зависла в воздухе, а потом больно ударила ее в спину. Катя успела распахнуть глаза, приподняться на локте и даже увидеть открытый в крике ужаса рот Эдуарда Петровича, но самого крика не услышала и понять ничего не успела. Могучая волна, взбежавшая на холм легко, будто спринтер, обрушилась на лагерь путников и вмиг снесла их вместе с пожитками, скинув в лошину между холмами и упав сверху, пенясь и шипя.

Волна немедленно ринулась на штурм следующего холма, но силенок у нее не хватило. Замерев на мгновение, вода отхлынула назад, снова накрыла барахтающихся людей с головой и, мгновенно успокоившись, растеклась во все стороны, унося с собой обломки сизых листьев. Сухая, серая пыль впитывала воду, словно губка, и на глазах превращалась в черную, липкую грязь.

Ошеломленная Катя, которую волна крутила и вертела, будто щепку, скатывая с холма, в ужасе думала только о том, что не успела схватить за руку Руслана. Сидя в луже черной грязи внизу и откашливая соленую воду, она крутила головой. В воздухе почти неподвижно висела туча пыли, сквозь которую с трудом просматривались очертания холмов. Малейшее дуновение ветра могло превратить ее в песчаную бурю, которая ослепила бы путников, забила их легкие легковесной чернотой, сбила с ног. Но ветров здесь не бывало, лишь вечный штиль, поэтому пыль, кружа в воздухе, неспешно оседала вниз. У Кати было стойкое ощущение, что её посыпают содержимым гигантского мешка от пылесоса.

«Руслан, Русланчик,» – истошно завопила Катя. Паника накрыла её волной куда сильнее той, что смыла с вершины холма. Катя встала на четвереньки и попыталась подняться на ноги. Черная грязь липла к рукам, словно жидкая карамель. Она медленно сползала с ладоней вниз, будто мед с ложки, и Катя никак не могла её стряхнуть. Девушка с трудом высвободила одну ногу, увязшую в трясине глубже, чем по щиколотку, и сделала шаг. Но вторую ногу вытящить не смогла, пошатнулась и упала. Грязь сочно чмокнула и залила её колени и ладони. Она схватывалась на глазах, словно клей, и Катя увязла в нем руками и ногами, стоя на четвереньках.

«Русланчик,» – в отчаянии кричала она, срывая голос.

«Мама, я здесь,» – послышалось неподалеку. Видимо, вода утащила Руслана дальше, за округлость холма, и видеть его Катя не могла.

«Мы здесь. Он в порядке,» – раздался голос Никиты. – «Только застряли, как в цементе. Прикольно.»

Катя рыдала навзрыд, не в силах остановиться. Слава Богу, он жив. Жив.

«Вылезайте из грязи. Скорее. Поднимайтесь наверх, на холм,» – послышался откуда-то крик Эдуарда Петровича.

Увы, предостережение запоздало. Грязь густела на глазах, намертво цементируя свои жертвы. Катя барахталась, словно мушка в паутине, в отчаянной попытке выбраться из ловушки. Но выбраться не удалось никому. Ситуация была патовой. Когда черная грязь затвердела (на удивление быстро) и превратилась в камень, Катя так и стояла на четвереньках, за округлостью холма сидел в грязи Руслан, а над ним, ни на минуту не прекращая дергаться, нависал Никита. Эдуард Петрович, сумевший с невероятным трудом сделать несколько шагов в сторону холма, на который так и не сумела взобраться вода, стоял поодаль. Грязь налипла на руках несмываемым слоем клея, стянула кожу, одежда намертво прилипла к телам, вызывая зуд и нестерпимое желание почесаться. И все, что они теперь могли, так это переговариваться.

«Русланчик, ты цел?»

«Да, мам. Только встать не могу. Прилип.»

«Это ничего, милый. Мы что-нибудь придумаем. Обязательно придумаем.»

«Эдуард Петрович, Вы тоже в ловушке?»

«Да.»

«Что это было? Откуда столько воды? И она была соленой, кстати.»

«Черт её знает. Главное, чтобы второй такой волны сейчас не случилось. Иначе нам всем крышка.»

«А сейчас еще не крышка? Кто-нибудь может пошевелиться?»

«Нет.»

«Нет.»

«Нет.»

Беседа заглохла сама собой. Потом снова началась и вновь заглохла. Гениальных идей не было. Да и вообще никаких не было.

Эдуард Петрович, щурясь подслеповатыми глазами, осматривал окрестности. Висевшая в воздухе пыль начала оседать, и стало намного светлее. Повсюду, насколько хватало глаз, между холмами, словно горелая проплешина, чернела грязь. Неподалеку, выпятив аппетитную попку, туго обтянутую джинсами, в недвусмысленной позе замерла Катя. Эдуарда Петровича она не видела, потому что была повернута к нему задом. Он же, как и любой другой мужчина на его месте, даже в столь трагической ситуации не упустил возможности полюбоваться.

Рядом не было ровным счетом ничего, чем можно было выдолбить себя из плена. Похлопав по карманам, Эдуард обнаружил только разбитый смартфон. Зачем он до сих пор таскал его с собой? А может попробовать? Ухватив бесполезный кусок пластика поудобнее, Эдуард Петрович наклонился и ударил по земле. И даже небезуспешно. Смартфон выбил фонтанчик земляных крошек и развалился на части. Подобрав острый обломок корпуса, мужчина принялся ковырять черный цемент, который полностью покрыл его элегантные итальянские туфли. Пластиковый обломок расщеплялся на более мелкие и такие же острые. Эдуард Петрович поранил руку и чертыхаясь отбросил бесполезное орудие прочь. Что же делать? Шарящий по окрестностям взгляд все время невольно возвращался к торчащей Катиной попе. И не время было, и не место. А вот поди ж ты, пялится, как прыщавый подросток.

Время шло, поднятая в воздух пыль потихоньку осела, и он снова стал прозрачным. Впоследствии оказалось, что именно время – самый надежный союзник угодивших в ловушку путешественников. Эдуард Петрович с остервенением пытался отодрать покрытую грязью штанину от ноги. Сеанс принудительной эпиляции не удавался. Но зато тонкая корка грязи на руках покрылась трещинами. Мужчина с силой потер ладони друг о друга. Шуршащая струйка пыли осыпалась вниз.

«Ну разумеется, она высыхает и снова превращается в пыль,» – облегченно улыбнулся он.

В отличие от хаотично начитанной Кати и девственно невежественного Никиты Эдуард Петрович мир познавал систематически в соответствии с учебным планом сначала физико-математической школы, а потом экономического факультета престижного ВУЗа. А потому и соображал быстрее, и мыслил глобальнее. В свое время ему хотелось козырять в молодежных компаниях своей начитанностью и эрудицией, поскольку ничем другим выделиться не удавалось. Эдуард с юношеским максимализмом давился Достоевским, Солженицыным и иже с ними, чтивом малопонятным и тугоусвояемым даже для самых ответственных зубрилок. И в какой-то момент осознал, что может задавить своим интеллектом даже танк, но популярности в компаниях ему это (вот парадокс!) нисколько не добавило. Возможно дело было в язвительно-небрежном тоне знатока? Как бы то ни было, но дурак вряд ли сумел бы достигнуть его положения.

Прежде чем сообщить о своем открытии остальным, Эдуард Петрович снова с силой потер ладони. Ещё одна струйка пыли устремилась на землю. Через несколько минут уже все, кроме Кати, застрявшей в самом неудачном положении, с азартом терли ладони. И не без успеха. Не прошло и полчаса, как мужчинам удалось очистить от грязи руки. Тем временем,

корка черной грязи на земле скукожилась и покрылась многообещающими трещинами. Но прошло ещё несколько часов прежде, чем она начала рассыпаться в пыль и нехотя выпускать свою добычу. Первым откопаться удалось Никите, и он огласил окрестности победным ревом. Следом высвободился Эдуард Петрович. Катю, увязшую глубже всех, мужчины тащили, как пресловутого бегемота из болота. А осилив эту нелегкую работу, все в изнеможении повалились на землю. Простояв на четвереньках десять часов, Катя со стоном и слезами разгибала отекавшие колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.